
**ЧЕЛОВЕК И ПРАВО —
XXI ВЕК**

**AN INDIVIDUAL AND THE LAW —
XXI CENTURY**

Альманах
Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

Saratov State Law Academy Institute of Prosecution
Almanac

Выходит 4 раза в год

2024

Выпуск 1

Issue 1

ISSN 2949-1703

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: <http://www.sguo.pf/gu/xxi-vek>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 10 мая 2023 г. ПИ № ФС77-85274.

Адрес редакции: 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3.
Телефон: (8452) 29-90-75
E-mail: almanahip@yandex.ru

Редактор: М. П. Яковлева
Дизайн обложки – О. А. Фальян
Компьютерная верстка – Е. А. Янина

Подписано в печать 22.04.2024. Дата выхода в свет 26.04.2024. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура Liberation. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,15. Уч.-изд. л. 4,31. Тираж 950 экз. Заказ № 155.

Издательство Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Спесивов Н.В. директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Швецова И.В. заместитель директора Института прокуратуры по научной работе Саратовской государственной юридической академии, старший преподаватель.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ильгова Е.В. ректор Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Мацкевич И.М. ректор Университета прокуратуры РФ, старший советник юстиции, д.ю.н., профессор;

Белоусов С.А. проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Гулягин А.Ю. прокурор Тамбовской области, д.ю.н.;

Гончаров М.В. проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, к.ю.н.;

Соколов А.Ю. директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, заведующий кафедрой административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Абанина Е.Н. заведующий кафедрой земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;

Акимова М.А. председатель четвертого судебного состава Двенадцатого арбитражного апелляционного суда, доцент кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.;

Ананьева А.А. заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, д.ю.н.;

Амирбеков К.И. заведующий отделом научного обеспечения организации прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 3 класса, д.ю.н.;

Афанасьев С.Ф. директор Института правотворчества и правового прогнозирования, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, судья в отставке;

Балашова Е.Ю. профессор кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, д.ф.н.;

Блинов А.Г. заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Богачева Е.А. доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, к.п.н.;

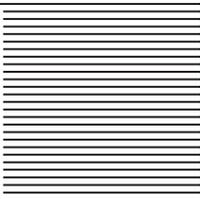
- Боярская Ю.Н.** доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;
- Бытко С. Ю.** профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;
- Варыгин А.Н.** заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Воротников А.А.** профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Ворошилова С.В.** профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Залужный А.Г.** профессор кафедры национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д.ю.н., профессор, старший советник юстиции;
- Заметина Т.В.** заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Исаенкова О.В.** заведующий кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Ковалева Н.Н.** руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н., профессор;
- Комбарова Е.В.** доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.;
- Коновалов И.Н.** профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии, д.и.н., профессор;
- Лопашенко Н.А.** профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
- Манова Н.С.** заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Никитин А. А.** профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;
- Покачалова Е.В.** заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Пырков И.В.** профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии, д.ф.н.;
- Соловых С.Ж.** заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;
- Соловьева Т. В.** профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;
- Титов А.А.** советник РНКБ Банка (ПАО), помощник члена Общественной палаты РФ, к.ю.н.;
- Шапиро Л.Г.** заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 Состояние и перспективы развития российского законодательства
Азимов Э. М.,
Ермишина Н. С.,
Равпук М. А.
Деяния экстремистской направленности в сети Интернет
- 15 Марцинкевич В. В.,
Краснова Ю. В.
Предупреждение органами прокуратуры вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий
- 21 Пономаренко Е. В.,
Серёгина И. В.
Административно-правовые средства предупреждения коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации
- 25 Севостьянов Р. А.,
Шатилов А. В.
Криминологическое исследование интеллекта преступника: постановка проблемы
- 32 Ширяева К. А.
Презумпция добросовестности в гражданском процессе
- 36 Юридическое образование и наука в XXI веке
Рукавишников С. М.
К вопросу о понятии докторантуры в действующем законодательстве
- 42 Современные лингвистические исследования
Александрова Т. А.
Содержательная модель профессиональной компетенции юриста-переводчика
- 46 Балашова Е. Ю.
Корпусные методы в жанровом и прагма-коммуникативном видах анализа (на материале мультязычного параллельного корпуса архивных документов ООН)
- 50 Беляев А. С.
Этнолингвистические особенности семантики в юридической терминологии в английском и русском языках
- 59 Богачева Е. А.
Особенности и перспективы анализа судебного субдискурса: теоретический аспект

- 67 **Волгина Е. В.**
Междисциплинарный подход
в преподавании иностранного
языка студентам-юристам
- Взгляд молодых ученых
- 71 **Медведев Б. А.**
Принцип единства системы
органов исполнительной
- власти как основополагающее
начало оценки эффективности
их деятельности
- 75 **Муева А. Л.-Г.**
К вопросу о правовом
регулировании
юридической конструкции
таможенных платежей

Состояние и перспективы развития российского законодательства

Э.М. Азимов,
старший преподаватель
кафедры уголовного права и процесса
Петрозаводского государственного университета

Н.С. Ермишина,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Петрозаводского государственного университета

М.А. Равнук,
магистрант 2-го курса направления подготовки
40.04.01 Юриспруденция
(магистерская программа «Уголовное право, уголовный процесс,
криминалистика») Петрозаводского государственного университета

7

ДЕЯНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

На наш век приходится стремительный рост развития технологий и средств коммуникации, особенно в сети Интернет. Благодаря интернету мы обмениваемся информацией, получаем свежие новости, смотрим фильмы, погоду и прочее. Но не все используют интернет в благих целях. Есть люди, которые используют его как почву для ведения экстремистской деятельности. Так, для экстремистов интернет – высокоэффективный инструмент для внедрения в подсознание молодежи антигосударственных на-

строений, возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти.

Согласно ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, экстремизм – это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них [1].

В Российской Федерации действуют нормативные правовые акты, регулирующие данную проблему, а именно Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [2, 3]. С нашей точки зрения, наиболее точно сформулировано понятие экстремизма в Указе Президента РФ, в котором сказано, что экстремизм – это общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в от-

ношении какой-либо социальной группы, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, а также угрожающие конституционному строю Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации.

По мнению Н. Мирсаидова, «идеология экстремизма отрицает инакомыслие, жестко утверждает систему политических, идеологических, религиозных взглядов. От своих сторонников экстремисты требуют слепого повиновения и исполнения любых, даже самых абсурдных приказов и инструкций. Аргументация экстремизма опирается не на разум, а на предрасудки и чувства людей. Доведенная до крайности, идеологизация экстремистских действий создает особый тип сторонников экстремизма, склонных к самовозбуждению, потере контроля над своим поведением, готовых на любые акции, на нарушение норм, сложившихся в обществе» [4, с. 115].

С каждым годом создается все больше социальных сетей, в которых ведется полномасштабная информационная война против конституционного строя государства. Большинство социальных сетей позволяют действовать анонимно, дистанционно и на многомиллиард-

ную аудиторию. Все чаще в интернет-пространстве мы можем видеть пропаганду массовых беспорядков, направленных на свержение власти, а также разжигание национальной, расовой и религиозной розни.

Начальник Центра противодействия экстремизму МВД по Республике Карелия полковник полиции В.Г. Кривонос утверждает, что в Карелии снижается уровень экстремистских преступлений, что объясняется изменениями, внесенными в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Напомним, что в соответствии с ними лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по данной статье только в случае, если в течение года оно было привлечено к административной ответственности за совершение аналогичного деяния [5].

Согласно portalу правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в Республике Карелия в период с 2010 по 2016 г. наблюдался стремительный рост преступлений экстремистской направленности, а именно: в 2010 г. было зарегистрировано 8 таких преступлений, и с каждым годом этот показатель рос, пока не достиг своего пикового значения. В 2016 г. было зарегистрировано 27 преступлений экстремистской направленности, что являлось максимумом за период с 2010 по 2016 г. С 2016 г. по насто-

ящее время идет спад [6]. В 2023 г., согласно отчету министра внутренних дел Республики Карелия, было зарегистрировано 5 преступлений экстремистской направленности, при этом все они были совершены в сети Интернет.

Что касается административных правонарушений экстремистской направленности, то в период с 2018 по 2019 г. их число не превышало 14, однако с 2019 по 2023 г. наблюдался рост. С нашей точки зрения, это обусловлено декриминализацией ст. 282 УК РФ. В 2020 г. по ст. 20.3.1 КоАП РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») было зарегистрировано 12 правонарушений, в 2021 – 14, в 2022 – 32, а в 2023 г. – 37. В большинстве случаев это происходит в социальной сети «ВКонтакте» под постами в пабликах. Пользователи начинают публично оскорблять друг друга, нередко переходя на унижение по национальному и расовому признаку. Для удостоверения факта унижения человеческого достоинства сотрудники правоохранительных органов назначают лингвистическую экспертизу для подробного анализа контекста. Что касается правонарушений по ст. 20.3 КоАП РФ («Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики

экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»), то их пиковый показатель произошел на 2021 г. – 21 правонарушение.

Исходя из данных исследования Global Report Digital, к началу 2022 г. количество уникальных пользователей мобильных устройств достигло 5,31 млрд человек, это более 67% мирового населения. В настоящее время интернетом охвачено 62,5% от общей численности населения земли. Сегодня в интернет-пространстве можно встретить большое количество скрытых экстремистских материалов, например видео в TikTok, мем в соцсети «ВКонтакте» или информационный пост в «Инстаграме» (заблокирован в России; принадлежит организации Meta, признанной экстремистской и запрещенной в Российской Федерации), которые могут быть преподнесены в шуточной форме, но имеют экстремистский характер. Большинство пользователей в силу своей неосведомленности делают репосты данных материалов, не отдавая себе отчет в том, что несут за это ответственность. Кроме того, немаловажной проблемой, на наш взгляд, является анонимность пользователей, которые при помощи VPN (обобщенное название техно-

логий, позволяющих обеспечить одно или несколько сетевых соединений поверх другой сети) могут без проблем размещать экстремистские материалы в сети Интернет.

21 марта 2022 г. по решению Тверского суда г. Москвы в России запрещена деятельность социальных сетей Facebook и Instagram (которые принадлежат Meta*, признанной в России экстремистской организацией). А из толкования ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ мы можем видеть, что за размещение в Сети интернет-ссылок на Facebook и Instagram влечет за собой административную санкцию. Например, если пользователь социальной сети «ВКонтакте» разместит на своей странице ссылку на свой Instagram-аккаунт, он может быть привлечен по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ.

По мнению Д. С. Глухарева, экстремисты активно применяют различные психологические приемы воздействия на пользователей сети Интернет. Например, сторонники «цветных революций» используют глобальную сеть для подрыва легитимности власти [7, с. 136].

Наше законодательство содержит ряд статей, посвященных преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности, а именно: ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4 УК РФ и ст. 20.2, 20.3, 20.3.1, 20.3.2, 20.29 КоАП РФ. При этом законодатель не дает чет-

кого определения понятия нацистской атрибутики или символики, что может привести к ошибочной квалификации деяния. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова определяет понятие «фашизм» как идеологию воинствующего расизма, антисемитизма и шовинизма, опирающиеся на нее политические течения, а также открытую террористическую диктатуру одной господствующей партии, созданный ею репрессивный режим, направленный на подавление прогрессивных общественных движений, на уничтожение демократии и развязывание войны. В свою очередь, «нацизм» – это германский фашизм [8, с. 398]. Из дефиниций, данных в словаре С. И. Ожегова, мы можем видеть, что «нацизм» – это политическое явление, которое продвигает идеи фашизма в Германии и является одной из его форм. С нашей точки зрения, законодательно необходимо проработать перечень нацистской атрибутики и закрепить его в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности». С официально закрепленным перечнем правоохранительным органам станет легче определять, является ли та или иная атрибутика или символика нацистской. Например, прокуратура г. Оленегорска поясняет, что к нацистской атрибутике и символике относятся: символика Нацио-

нал-социалистической партии Германии (НСДАП), Железный крест, свастика, государственный орел (герб) нацистской Германии, руна «Зиг», руна «Одал», эмблема штурмовых отрядов дивизии СС «Мертвая голова» (Totenkopf), символика гестапо (тайной государственной полиции) и ряд других символов. Данный перечень не является исчерпывающим.

Сейчас мы можем наблюдать, как на Украине происходит героизация лиц, воевавших на стороне фашистской Германии, а также фальсификация истории Великой Отечественной войны. Начиная с 2000-х гг. публичные проявления нацизма на Украине превратились в обыденность. Имеют место популяризация радикальных националистов, например Степана Бандеры, угнетение, травля и избиение русскоязычного населения страны, а также ветеранов Великой Отечественной войны. Все чаще проходят шествия со свастиками и выкрикиванием фашистских лозунгов. Президент Украины присваивает десятой отдельной горно-штурмовой бригаде ВСУ название «Эдельвейс» – в годы Великой Отечественной войны так называлась первая горно-пехотная дивизия вооруженных сил нацистской Германии. На украинской стороне воюет небезызвестный батальон «Азов» (организация признана террори-

стической). Данное подразделение связывают с ультраправой и неонацистской идеологией, его участники нередко используют нашивки фашистской Германии. Складывается впечатление, что нацизм на Украине закреплен на государственном уровне и всячески поощряется руководством страны. Все эти факторы дают благоприятную почву для экстремистов, которые активно используют различные социальные сети для распространения провокационных роликов и фальсификации исторических фактов, а также активно провоцируют граждан РФ на внутригосударственные беспорядки.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что противодействие экстремистской деятельности невозможно без научного анализа этого явления. Социологи должны разработать методику исследования экстремистских группировок, социальных причин их появления, внутренней структуры и иерархии, а также механизмов набора новых членов.

Современная история показывает, что от националистических движений не избавлены ни высокоразвитые, ни традиционные, ни бывшие социалистические страны, что нередко приводит к вооруженным столкновениям на межнациональной почве, влекущим за собой человеческие жертвы.

Мотив ненависти играет огромную роль в этих конфликтах. Под экстремизмом следует понимать социальное системное явление, в рамках которого объединенные на основе общих политических, идеологических, национальных, религиозных, расовых, социальных, экологических, экономических взглядов и убеждений представители последних совершают, движимые экстремистскими побуждениями, противоправные действия, направленные на насильственное распространение таких взглядов и искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых ими. Ведь в фундаменте любого человеческого поведения лежат те или иные мотивы, определяя его социальный смысл и целевую направленность. При совершении действий человек опирается на свои взгляды, потребности и интересы, которые не всегда совпадают со взглядами, потребностями и интересами других людей. В свою очередь, предупреждение межнациональных конфликтов представляет собой исключительно сложную задачу, поскольку это явление порождается многими социальными, политическими, психологическими, экономическими, историческими и иными причинами.

С нашей точки зрения, профилактика экстремистской деятельности является одним из важнейших

направлений предупреждения экстремистской преступности и совершения преступлений экстремистской и террористической направленности. Речь идет о принятии профилактических, воспитательных и пропагандистских мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности и развитию социальных и межнациональных конфликтов. Спецслужбы и правоохранительные органы должны работать слаженно и обмениваться получаемой информацией в целях избежания разногласий в действиях и оперативного предотвращения совершения экстремистских преступлений. Ведь нередко экстремистские и террористические организации связаны между собой, что требует оперативных и решительных действий при нейтрализации таких структур и блокировке попыток использовать в своих интересах возможности информационных технологий, ресурсы интернета и социальных сетей.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» // СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 155.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3031.
3. Указ Президента РФ от 28 ноября 2014 г. № 2753 «О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СПС «Гарант».
4. *Мирсаидов Н.* Религиозный экстремизм // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2016. С. 115–117.
5. В Карелии снижается уровень экстремистских проявлений // Официальный сайт Министерства внутренних дел по Республике Карелия. URL: https://10.мвд.рф/PrjamaJa_rech/item/18825834 (дата обращения: 09.04.2021).
6. Динамика по показателю «всего зарегистрировано преступлений» // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 09.04.2021).
7. *Глухарев Д. С.* Противодействие экстремизму в современном медиапространстве // Вестник Южного Уральского государственного университета. 2012. № 10 (269). С. 135–137.

8. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование: ОНИКС. 2012. 1375 с.

В. В. Марцинкевич,

первый заместитель прокурора г. Саратова,
советник юстиции

Ю. В. Краснова,

обучающаяся 5-го курса Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В настоящее время одной из серьезных и наиболее актуальных проблем современного общества является преступность несовершеннолетних. Это связано с тем, что данная категория лиц не обладает устойчивыми мировоззренческими установками и в связи с этим наиболее подвержена негативным влияниям. Множество событий, как положительных, так и отрицательных, ежедневно происходящих в современном мире, оказывают большое влияние на формирование личности подростка. Наряду с позитивными, такое воздействие может повлечь и негативные последствия, в результате чего у ребенка вырабатывается искаженное представление о системе ценностей и правил поведения в обществе, что приводит к повышению уровня преступности в будущем. Кроме того, практика показывает, что нередко несовершеннолетние совершают преступления в группе со взрослыми преступниками, которые и вовлекают их в преступную деятельность.

Отрицательное воздействие старшего поколения на несовершеннолетних обладает высокой общественной опасностью не только потому, что причиняет значительный вред нормальному развитию и воспитанию подростков, но и потому, что в связи с этим возникает высокая вероятность самостоятельного вступления наиболее зависимых от влияния других лиц несовершеннолетних в криминальную среду. Вовлекая несовершеннолетнего в престу-

пление, взрослый не просто разово посягает на его физическое или психическое состояние, но и так или иначе предопределяет будущее развитие такого несовершеннолетнего, неразвитого в момент посягательства физически и имеющего неокрепшую психику [1].

Кроме того, сами способы вовлечения являются общественно опасными и противоправными. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, а также антиобщественных действий, таких как систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие проституцией, бродяжничеством, попрошайничеством, ведет к деформации личности подростка, изменению его психики.

Являясь уголовно наказуемым деянием, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий нашло свое отражение в ст. 150 и 151 Уголовного кодекса РФ.

Согласно статистическим данным, за 2023 г. было зарегистрировано более 1000 преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ [2]. Совершение преступлений не только пополняет ряды несовершеннолетних преступников, но и, самое главное, способствует дальнейшему негативному развитию подростков, вовлеченных взрослыми в совершение преступлений или

антиобщественных действий. Следовательно, предупреждение преступности взрослых, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений или совершающих преступные действия с их участием, является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов.

Для достижения эффективных результатов в предупреждении вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий необходимо проанализировать динамику и состояние преступности. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, динамика преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ, в период с 2018 по 2023 г. в России не отличалась стабильностью.

В 2019 г. было зарегистрировано 2617 фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, в 2020 и 2021 гг. наблюдался спад – 2322 и 1983 случая соответственно. После 2021 г. зафиксировано повышение уровня зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ. Так, в 2022 г. было зарегистрировано 2107 случаев, а в 2023 г. – 2131 случай вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность. Таким образом, изуче-

ние статистики показало, что за последние пять лет было обнаружено более 10 тысяч случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, что обуславливает необходимость межведомственного взаимодействия.

Однако речь идет только о зарегистрированных случаях, фактический же уровень преступности значительно выше, что указывает на высокую степень латентности данных видов преступлений. Следует отметить, что скрытая преступность обладает большей общественной опасностью, чем выявленные случаи. Это связано не только с недостаточной эффективностью существующей системы мер противодействия вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, но и с тем, что часто люди, узнавшие о таких случаях или ставшие их свидетелями, не сообщают о них в соответствующие органы. В результате такое умалчивание усложняет работу правоохранительных органов. В связи с этим одной из главных социально значимых задач российского государства является поиск и выработка наиболее результативных способов предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и снижения уровня преступности у данной категории лиц.

Необходимо отметить, что важнейшим направлением государственной политики выступает защита детей, их прав и законных интересов. Данное положение нашло закрепление в Основном Законе страны. Так, в соответствии со ст. 38 Конституции РФ «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [3]. Однако нередки случаи, когда подростки попадают под дурное влияние старших и оказываются в преступной среде.

Для наиболее эффективной борьбы с подростковой преступностью необходимо взаимодействие разных уровней власти, а также организаций, общественных объединений. Целесообразность такого сотрудничества закреплена в законодательных актах.

Обязанности по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий возложены на разные субъекты, которые, в свою очередь, составляют систему, связанную общими целями и задачами. В целях предупреждения подростковой преступности был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», которым предусмотрено создание и функционирование системы органов и учреждений, осуществляю-

щих профилактику безнадзорности, беспризорности и предупреждения преступлений несовершеннолетних. К ним относятся комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, органы опеки и попечительства, органы управления образованием, здравоохранением, органы службы занятости и органы внутренних дел. При этом повышение эффективности борьбы с таким преступлением, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступных действий, во многом зависит от взаимопомощи и постоянного взаимодействия указанных органов с правоохранительными структурами [4].

Важное место в системе субъектов предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность занимают органы прокуратуры. Прокуратура – важнейшее звено правоохраны, которой изначально присуща функция предупреждения преступлений. Достижению целей предупреждения преступлений должны способствовать в той или иной мере все направления деятельности прокуратуры, предусмотренные законодательством [5, с. 4]. Так, особое положение в системе органов позволяет прокурорам иметь доступ к большому объему информации по вопросу, касающемуся вовлечения несовершеннолетних в преступную

деятельность, и после тщательного анализа применять меры воздействия на субъекты профилактики таких случаев.

Согласно приказу Генеральной прокуратуры РФ от 26 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи», прокурорам поручено не оставлять безнаказанными лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, рассматривая их привлечение к ответственности как эффективный метод индивидуальной и общей профилактики преступности, бродяжничества, попрошайничества, проституции, пьянства, наркомании несовершеннолетних [6].

В связи с этим перед органами прокуратуры ставятся определенные задачи:

- 1) защита прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних;
- 2) выявление и устранение причин и условий, способствующих развитию безнадзорности подростков;
- 3) выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность;
- 4) проведение профилактической работы с несовершеннолетними.

Органы прокуратуры осуществляют активное взаимодействие с субъектами профилактики безнадзорности подростков, проводят

анализ и оценку полученной информации о случаях вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и принимают меры по защите их прав и законных интересов.

Особую опасность представляет информация, которая распространяется посредством сети Интернет. По результатам проверок, за последний год было обнаружено около 100 интернет-ресурсов, содержащих призывы к вступлению в антиобщественные группировки. В связи с этим приказом Генеральной прокуратуры РФ от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» прокурорам дано указание осуществлять системный надзор за исполнением законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, добиваясь ограничения в установленном порядке доступа к такой информации и привлечения виновных в ее распространении лиц к предусмотренной законом ответственности [7]. Вследствие этого защита подростков от информации, оказывающей вредное воздействие на их здоро-

вье, нравственное и духовное развитие, является важной задачей органов прокуратуры и иных органов, осуществляющих профилактику вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий обладает наибольшей общественной опасностью, так как мешает нравственному и физическому развитию подростков и ведет к росту числа несовершеннолетних преступников. Вопрос, касающийся борьбы с данным видом преступности, требует особого внимания со стороны правоохранительных органов и государственных организаций, деятельность которых направлена на противодействие антиобщественному поведению со стороны несовершеннолетних.

Обеспечение соблюдения законодательства о несовершеннолетних, профилактика преступлений и правонарушений, совершенных несовершеннолетними и в отношении них, являются приоритетным направлением деятельности прокуратуры и правоохранительных органов, что возлагает на них решение определенных задач.

Библиографический список

1. Николаева Ю. В. Уголовно-правовая охрана физического и психического развития несовершеннолетних от преступных посягательств // Право и политика. 2008. № 2 (98). С. 404–412.

2. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 18.03.2024).

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

4. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм. и доп. от 30 июня 1999 г.) // Российская газета. 1999. № 121. 30 июня.

5. *Алексеев А.* Должна ли прокуратура заниматься предупреждением преступлений? // Законность. 2008. № 3.

6. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // СПС «КонсультантПлюс».

Е. В. Пономаренко,

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

И. В. Серёгина,

обучающаяся Института магистратуры и заочного обучения
Саратовской государственной юридической академии

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Коррупция – опасное социальное явление. В настоящее время можно с сожалением констатировать, что ей в большей или меньшей степени подвержены практически все сферы жизнедеятельности общества.

В силу особой специфики деятельности, осуществления ее от имени государства, обладания властными полномочиями риск совершения коррупционных правонарушений гражданскими служащими достаточно высок, в связи с чем государством предпринимаются активные меры по повышению эффективности противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы.

Традиционно, и с этим невозможно не согласиться, основными направлениями деятельности по борьбе с коррупцией являются как пресечение коррупционных правонарушений, так и их предупреждение, которые осуществляются путем разработки и применения в том числе административно-правовых средств. Причем именно предупреждение коррупции, как совершенно справедливо отмечают многие ученые, является «наиболее важной, но при этом и наиболее сложной составляющей деятельности по противодействию коррупции» [1, с. 169].

Высокую эффективность применения административно-правовых средств в деле предупреждения и пресечения коррупции

в разное время в своих трудах обосновывали В.В. Гриценко, А.В. Куракин, К.В. Севрюгин, Е.В. Трегубова и др.

Одним из таких средств являются запреты, обусловленные режимом государственной гражданской службы. Их перечень определен в ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] и в ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3]. Многие административно-правовые средства предупреждения коррупции закреплены и в других федеральных законах.

Установление законодателем административных запретов, связанных с гражданской службой, направлено прежде всего на недопущение либо сведение к минимуму коррупциогенных ситуаций при прохождении государственной гражданской службы, отличающиеся максимально императивным характером.

Так, М.В. Костенников и А.В. Куракин справедливо отмечают, что «...административный запрет представляет собой наиболее жесткий способ правового регулирования. К этому способу регулирования обращаются тогда, когда необходимо оградить общество от нежелательного поведения» [4, с. 22].

Определяя важность фиксирования административных запретов для гражданских служащих, «так как сама публично-правовая природа государственной и муниципальной службы диктует необходимость их установления» [5, с. 160], можно согласиться с позицией О.В. Покровского о том, что «запреты и ограничения не должны препятствовать выполнению государственным служащим возложенных на него обязанностей, а также излишне ущемлять его правоспособность, сдерживать его позитивную служебную активность» [6, с. 49].

М.Е. Пресняков и С.Е. Чаннов также высказывают опасения относительно того, что порой нечеткие формулировки запретов на государственной гражданской службе «могут быть использованы в качестве инструмента, по своему субъективному усмотрению в интересах отдельных чиновников, для увольнения, по их мнению, ненужных им гражданских служащих» [7, с. 19]. В связи с этим необходимо установление четкой процедуры работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов. О существовании определенных проблем в работе комиссий свидетельствует обширная судебная практика.

Справедливости ради отметим, что исключительно одними запре-

тами невозможно добиться ответственного добросовестного исполнения гражданскими служащими своих обязанностей. Несомненно, требуется также установление системы государственных гарантий, стимулов и поощрений. Именно по этому пути пошел законодатель, посвятив данным вопросам нормы, закрепленные по большей части в трех главах (главы 10–12) Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», касающиеся:

оплаты труда гражданского служащего – основного средства его материального обеспечения и стимулирования профессиональной служебной деятельности по замещаемой должности гражданской службы;

государственных гарантий, среди которых наряду с правом на получение денежного содержания, правом на отдых предусмотрено медицинское страхование гражданского служащего и членов его семьи, в том числе после выхода гражданского служащего на пенсию за выслугу лет; возмещение расходов, связанных с переездом гражданского служащего и членов его семьи в другую местность при переводе гражданского служащего в другой государственный орган; единовременная субсидия на приобретение жилого помещения один раз за весь период гражданской службы и др.;

поощрений и награждений за гражданскую службу, включающие семь оснований для их назначения.

Вместе с тем не все стимулирующие меры достаточно эффективны. Так, оплата труда государственных служащих низшего и среднего звена, с учетом уровня инфляции в стране, представляется недостаточно высокой, принимая во внимание запрет на получение ими какого-либо дополнительного дохода, а также на занятие предпринимательской деятельностью.

Подводя итоги, отметим, что административно-правовые средства, описанные выше, играют важную роль в предупреждении коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации. В настоящее время они достаточно подробно разработаны законодателем. Однако общеизвестно, что уровень коррупции в означенной сфере еще достаточно высок, что, как представляется, свидетельствует о том, что данные средства нуждаются в определенной доработке. Среди направлений их совершенствования следует выделить: критический анализ административных запретов на государственной службе на предмет четкости и однозначности формулировок, их исполнимости и корреляции с мерами ответственности, которые предусмотрены за их нару-

шение; совершенствование работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов с целью недопущения возможности принятия комиссиями необъективных решений.

Библиографический список

1. *Турская Е. Р., Дежурный А. А., Жариков М. Н.* Административно-правовые средства противодействия коррупции // *Право и государство: теория и практика.* 2021. № 12 (204). С. 168–171.
2. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2023 г.) // *СЗ РФ.* 2004. № 31, ст. 3215; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5783.
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 19 декабря 2023 г.) // *СЗ РФ.* 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228; 2023. № 12, ст. 1883.
4. *Костенников М. В., Куракин А. В.* Административный запрет как средство противодействия коррупции в системе государственной службы. М., 2012. 128 с.
5. *Чаннов С. Е., Пресняков М. В.* Служебное право: учебник и практикум для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. 376 с.
6. *Покровский О. В.* Административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы // *Российская юстиция.* 2018. № 3. С. 48–52.
7. *Пресняков М. В., Чаннов С. Е.* Свобода слова на государственной гражданской службе: демонтаж завершен // *Административное право и процесс.* 2017. № 11. С. 18–25.

Р.А. Севостьянов,

кандидат юридических наук, доцент
кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

А.В. Шатилов,

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Краснодарского университета МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА ПРЕСТУПНИКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Одним из ключевых направлений криминологической науки является исследование личности преступника, которое охватывает различные аспекты, связанные с врожденными биологическими особенностями человека, присущей ему спецификой реагирования на внешние факторы, приобретенными психологическими и нравственными характеристиками, привычками, личностными идеологическими установками, взглядами и многими другими факторами.

В данной области проведено множество научных исследований, однако человек, его сущность и особенности всегда обособленно привлекают научное внимание криминологов, поскольку в этом направлении существует еще немало аспектов, подлежащих научному осмыслению.

Перспективным представляется криминологическое изучение волевых качеств личности, ее эмоциональной стороны и других психологических факторов.

К малоизученным в криминологии сферам относятся интеллектуальные характеристики преступника; влияние интеллекта на выбор того или иного способа удовлетворения потребностей; особенности совершения преступлений лицами с разным уровнем интеллекта; влияние развития интеллектуальных качеств на способность контролировать свое поведение, рационализировать его

и приводить в законопослушное русло.

В психологической науке под интеллектом понимается система всех познавательных (когнитивных) способностей человека: ощущения, восприятия, памяти, представления, мышления, воображения. Интеллект позволяет успешно адаптироваться к жизненным ситуациям, действовать безошибочно при решении тех или иных жизненных проблем.

В обыденной жизни интеллект ассоциируется с умом, способностью решать проблемы, с мыслительными способностями [1].

Интеллект является важнейшей индивидуальной характеристикой человека. Личные достижения, общественный статус, отношения с другими людьми и многие другие факторы связаны с уровнем интеллекта.

«Интеллект выступает психологической основой разумности» [2]. Рациональность, здравый смысл в размышлениях и поступках, способность справляться с жизненными ситуациями также определяют интеллектуальными качествами личности.

В психологической науке доказана прямая связь между уровнем интеллекта и успешностью человека в карьере. Даже сохранение здоровья и продолжительность человеческой жизни также часто связаны

с интеллектуальным развитием индивида [3].

Феномен интеллекта привлекает научное внимание авторов, представляющих различные научные сферы. Помимо психологии, речь идет о философии, социологии, физиологии и многих других отраслях человеческих знаний, которые активно включены в его исследование со своих научных позиций [4].

Интеллект как одна из важнейших составляющих человеческой психики не может не заинтересовать и науку о преступности – криминологию, в центре внимания которой была и остается нацеленность на изучение личности преступника со всеми ее особенностями, в той или иной степени способствующими формированию специфического антисоциального мышления и поведения.

Вместе с тем вопросы взаимосвязи интеллекта с совершением преступления и ведением преступного образа жизни до настоящего времени остаются слабо изученными и требуют серьезного научного внимания.

Общественно опасное поведение преступника обусловлено, в первую очередь, отражением его внутренних психологических характеристик.

Важнейшим направлением для криминологии является разработка концепции противодействия насильственным преступлениям [5]. В дан-

ной сфере психологические характеристики выступают центральными детерминантами поведения.

Большую роль в поведении преступника играют эмоции. Неспособность контролировать эмоциональное состояние часто ведет к совершению ситуационных насильственных преступлений [6].

Огромное значение имеет ригидность (непластичность) психики, следствием которой является склонность человека к застреванию на той или иной идее, что может повлечь преступления, мотивированные ненавистью, ревностью, экстремистскими побуждениями [7] и т.д.

Особое место в личности преступника занимает интеллект, характеристики которого четко проявляются в формировании преступного умысла, мотива, а также ярко выражаются в поведении. Социальная активность человека тесно связана с его интеллектуальным развитием. Нарушения в данной сфере серьезно отражаются на образе жизни [8].

Изучение судебной практики показывает серьезные различия в поведении преступников с разным уровнем интеллекта. Так, при низком интеллекте концентрация преступной активности происходит в подавляющем большинстве случаев в сфере общеуголовной преступности. Сочетаясь с аморальными характеристиками, низкий интел-

лект существенно повышает риск стать преступником [9].

Преступники с низким интеллектом чаще всего совершают кражи, грабежи, убийства, иные преступления против личности, оскорбления представителей власти, хранение наркотических средств и т.п. У данной категории преступников наблюдается явное снижение уровня критичности по отношению к себе, собственному поведению и его последствиям. Такие лица, совершая противоправное деяние, редко задумываются о его социальных и правовых аспектах. В сочетании с эгоцентризмом низкий интеллект выступает существенным фактором, способствующим преступному поведению.

Преступное поведение данной категории лиц отличается примитивными схемами исполнения деяния, хаотичностью поведения, избирательностью по отношению к предмету посягательства, слабой подготовкой к совершению преступлений либо отсутствием таковой, непродуманной постпреступной активностью.

Среди лиц с низким интеллектуальным уровнем наблюдается высокая степень рецидива, в структуру которого входят самые разнообразные примитивные по своей сути деяния.

Например, при совершении преступлений против собственности данные лица руководствуются

стремлением удовлетворить сиюминутные потребности, не задумываясь о последствиях.

Так, 3 декабря 2019 г. Заиграевским районным судом Республики Бурятия за грабеж был осужден Л., который, находясь в состоянии опьянения, в магазине взял с полки бутылку виски, однако осознав, что его действия замечены продавцами, выбежал и скрылся, а впоследствии употребил похищенное спиртное. Судебно-психиатрической экспертизой у Л. отмечен низкий уровень интеллекта. Ранее он был судим за приобретение и хранение наркотических средств.

Спонтанность и эмоциональная несдержанность, являющиеся следствием неумения контролировать свое состояние, проявляются у данных лиц при совершении насильственных преступлений.

Например, 9 декабря 2022 г. Шолоховским районным судом Ростовской области по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ был осужден Н., который в состоянии опьянения несколько раз ударил кулаком в лицо свою сожительницу за отказ дать ему сигареты. Судебно-психиатрическая экспертиза отметила у Н. низкий уровень интеллекта. Ранее он был судим за кражу, грабеж и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью.

Нередко подобные лица попадают под влияние других пре-

ступников, обладающих более высокими интеллектуальными характеристиками и лидерскими качествами. В таких случаях лица с низким интеллектуальным уровнем выступают исполнителями преступлений, схемы которых разрабатываются руководителями преступных групп.

Сфера преступной активности лиц со средним уровнем интеллекта в целом схожа с предыдущей.

Преступления против личности также носят ситуационный характер, совершаются с внезапно возникшим умыслом на бытовой почве.

Типичной является следующая картина совершения преступления.

27 мая 2014 г. Уйским районным судом Челябинской области за покушение на убийство был осужден П., который, находясь в состоянии опьянения, на почве ссоры нанес своей знакомой несколько ударов ножом в жизненно важные органы. Из заключения судебно-психиатрической экспертизы следует, что П. обладает средним уровнем интеллекта, эгоцентричен, имеет завышенную самооценку.

При совершении преступлений против собственности лица со средним интеллектуальным уровнем проявляют большую изобретательность, чем представители предыдущей категории преступников, склонны к обдумыванию преступного и постпреступного поведения,

избирательности в отношении предмета хищения.

Так, 29 мая 2017 г. Советским районным судом Алтайского края за несколько эпизодов краж с незаконным проникновением в помещение в составе группы лиц был осужден П., который незаконно проникал в гаражи, откуда похищал инструменты и аккумуляторные батареи. У П. были диагностированы средний уровень интеллекта, завышенная самооценка, изобретательность, энергичность.

Уровень рецидива у данной категории лиц относительно высок. В его структуру часто входят тождественные преступления, особенно против собственности. Они гораздо чаще проявляют избирательность по отношению к предмету хищений и выбору способа преступного поведения.

У лиц с высоким уровнем интеллектуального развития, как правило, сфера реализации преступных интересов иная.

Совершение насильственных ситуационных преступлений для данных лиц является исключением. Интеллектуальное развитие в основном позволяет им справляться с эмоциями и контролировать свое состояние. Разумеется, в жизни имеют место ситуации совершения насильственных преступлений и данной категорией лиц, однако процент таких случаев низок, что

позволяет говорить об этих ситуациях как об исключительных обстоятельствах.

Подобные преступники часто реализуют свои интересы, прежде всего корыстные, в сферах, требующих немалых интеллектуальных усилий. Речь идет о коррупции, мошенничестве, преступлениях в сфере интернет-технологий, предпринимательства и т.п.

Например, 26 июня 2019 г. Ленинским районным судом г. Оренбурга за производство в целях сбыта немаркированной продукции осужден Р., который руководил организованной преступной группой, незаконно производившей и распространявшей алкогольную продукцию, получая стабильный преступный доход. У него отмечен высокий уровень интеллекта и организаторские способности.

В сфере общеуголовной преступности лица с высоким интеллектуальным уровнем также весьма активны. Они создают сложные схемы хищений, сбыта наркотических средств, оружия, поддельных денег, контрабанды, уклонения от уплаты налогов и таможенных платежей, формируют организованные группы и руководят ими, тщательно планируют преступления и постпреступное поведение, руководствуясь своим развитым интеллектом и способностью критично относиться к выбору способа поведения. Для

них характерными являются тщательная подготовка к преступлению, крайняя осторожность, принятие мер конспирации, обдуманная и последовательная постпреступная активность.

Так, 27 декабря 2016 г. Заельцовским районным судом г. Новосибирска был осужден С. за два эпизода краж дорогостоящих автомобилей. Судом установлено, что С. с помощью специального устройства обнаруживал радиосигналы охранной сигнализации автомобилей и блокировал их, затем похищал автомобили. Среди индивидуально-психологических характеристик у С. отмечен высокий уровень интеллектуального развития, высокая самооценка, настойчивость в достижении целей.

У лиц с высоким уровнем интеллекта отмечается низкий уровень рецидива.

На основании изложенного следует сделать ряд выводов.

Во-первых, интеллектуальный уровень развития преступника оказывает существенное влияние на сферу преступной активности и особенности предпреступного, преступного и постпреступного поведения.

Во-вторых, преступления лиц с низким интеллектом отличаются спонтанностью, ситуационностью, примитивным набором преступных действий.

В-третьих, средний интеллектуальный уровень позволяет пре-

ступникам избирать более сложные схемы преступлений, тщательно выбирать предмет хищения, прогнозировать последствия.

В-четвертых, преступники с высоким интеллектом концентрируют свои общественно опасные усилия в сферах, требующих серьезных умственных способностей (коррупция, мошенничество, организованная преступность). Их преступления отличаются изобретательностью, наличием тщательных планов и продуманных способов ухода от ответственности.

В-пятых, преступному поведению всегда способствуют эгоцентрические установки и аморальные характеристики личности, которые, сочетаясь с тем или иным интеллектуальным уровнем преступника, создают определенную картину преступного поведения.

В-шестых, одно лишь развитие интеллекта у человека не является достаточным для формирования законопослушной личности. Интеллектуальные характеристики следует развивать параллельно с нравственными чертами. Только взаимодействие двух данных аспектов может выступить надежным препятствием на пути выбора индивидом противоправного способа удовлетворения своих интересов.

В-седьмых, исследование интеллекта преступника представляется перспективным направлением

криминологической науки, разработка которого будет способствовать более глубокому пониманию детерминант преступного поведения и разработке мер предупредительного характера.

Библиографический список

1. Айзенк Г., Кэмин Л. Природа интеллекта. Битва за разум! М.: Эксмо Пресс, 2002. 352 с.
2. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 334 с.
3. Зиренко М. С. Имплицитные теории интеллекта и личности в структуре интеллектуально-личностного потенциала: дис. ... канд. психол. наук. М., 2021. 245 с.
4. Акимова М. К. Интеллект как динамический компонент в структуре способностей: дис... д-ра психол. наук. М, 1999. 387 с.
5. Игнатов А.Н., Вишневецкий В. В., Кашкаров А.А. Концептуальные основы, направления и меры противодействия криминальному насилию // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42).
6. Севостьянов Р.А. Криминологическое значение эмоциональной неустойчивости личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Т.11. № 8А. С. 148–155.
7. Севостьянов Р.А. Поведение преступника с параноидным расстройством личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 7А. С. 196–206.
8. Мачнев В.Я., Чердымова Е.И. Социальный и эмоциональный интеллект. Самара, 2022. 147 с.
9. Севостьянов Р.А., Блинова В.В., Кувардин В.В. Интеллект и нравственность как факторы, препятствующие преступному поведению // Вопросы российского и международного права. 2021. Т.11. № 2-1.
10. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2008. 811 с.
11. Кочетова Ю.А. Эмоциональный интеллект старших подростков. М., 2021. 104 с.

К. А. Ширяева,

кандидат юридических наук, преподаватель
Межрегионального юридического института Саратовской
государственной юридической академии

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Длительное время выступает объектом рассмотрения исследователей, что привело к плюрализму мнений об определении добросовестности и ее месте в числе гражданских процессуальных категорий. Объектом рассмотрения настоящей статьи является возможность отнесения добросовестности к гражданским процессуальным презумпциям.

Презумпцией в праве принято считать закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными [1, с. 87]. Некоторые авторы называют презумпцию логическим умозаключением, средством законодательной техники, правовой нормой, в силу которой при наличии одного юридического факта признается существующим другой, пока не доказано обратное [2, с. 76; 3, с. 56; 4, с. 124; 5, с. 70].

Статья 10 ГК РФ напрямую содержит презумпцию добросовестности участников гражданских отношений. В работе Н. С. Матаевой отмечено, что презумпцией необходимо считать достоверные предположения о существовании или отсутствии юридических фактов, которые в процессе осуществления права доказываются или опровергаются [6, с. 106].

Цель применения правовых презумпций в гражданском процессе заключается преимущественно в обеспечении необходимой процедуры разрешения гражданского спора с целью вынесения законного и обоснованного судебного решения.

По справедливому замечанию Н. Ю. Хорошавиной, в гражданском процессуальном законодательстве не используется понятие «презумпция», что свидетельствует о его косвенном закреплении

и приводит к неопределенности и трудности в правоприменении. В своей работе автор выделяет в числе общих гражданско-процессуальных презумпций презумпцию добросовестного поведения [7, с. 563–564].

Добросовестность содержится в нескольких нормах Гражданского процессуального кодекса РФ (ст. 35, 68, 153.6, 244.22), однако наибольший интерес представляет положение о том, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Особенности данного положения состоят в том, что формулировка «должны пользоваться», предполагающая с точки зрения буквального толкования некоторую обязанность, содержится в норме о правах лиц, участвующих в деле. В то же время обязанностям посвящены отдельные нормы ГПК РФ (ст. 118, 167, 158 и др.). Более того, не урегулирован вопрос о недобросовестном бездействии, т.е. ситуации, когда лицо злонамеренно не использует свои полномочия.

Последствия недобросовестного поведения лиц, участвующих в деле, предусмотрены также в следующих нормах гражданского процессуального законодательства:

статья 68 – в случае, если есть основания полагать, что признание совершено в целях сокрытия дей-

ствительных обстоятельств дела или под влиянием насилия, обмана, угрозы или добросовестного заблуждения, такое признание не признается судом;

статья 79 – в случае уклонения стороны от участия в экспертизе, непредоставления экспертам необходимых материалов и документов суд вправе признать факт, являющийся предметом экспертизы, установленным или опровергнутым;

статья 87 – в случае возникновения сомнений в правильности и обоснованности экспертного заключения суд вправе назначить по тем же вопросам повторную экспертизу у другого эксперта;

статья 99 устанавливает право добросовестной стороны на компенсацию за фактическую потерю времени от лица, недобросовестно заявившего неосновательный иск и систематически противодействовавшего правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела;

статья 186 – в случае заявления о подложности доказательства суд имеет право назначить экспертизу для его проверки или предложить сторонам представить иные доказательства и др.

Кроме того, процессуальное законодательство исходит из предположения о недобросовестности участника процесса, который

на этапе апелляционного рассмотрения должен обосновать причины представления новых доказательств или запрашивания их судом апелляционной инстанции. Обязанность доказывания таких обстоятельств объясняется предположением о недобросовестном поведении стороны, которая знала о существовании значимых для дела доказательств, но умышленно скрывала их от других участников процесса и суда первой инстанции, представляя новые доказательства только в апелляционном суде [8, с.101].

Анализ гражданских процессуальных норм позволяет отметить неопределенность в вопросе субъектов, которые должны опровергнуть предположение о добросовестности. В научной среде также существует дискуссия по данному вопросу. Среди возможных субъектов Н. А. Ананьев в своей работе анализирует суд, стороны, третьих лиц [9].

Считаем, что в данном вопросе необходимо предоставить суду возможность самостоятельно признавать поведение участников процесса недобросовестным и применять к таким лицам меры ответственности, предусмотренные законом. Данные полномочия необходимо закрепить в акте высшей судебной инстанции по аналогии с Постановлением Пленума ВС РФ, посвященного некоторым положениям

раздела I части первой Гражданского кодекса РФ [10, с. 102].

Одновременно с этим, придерживаясь принципа состязательности, в данном вопросе стоит опираться на положения ст. 56 ГПК РФ, в которой определяется обязанность заинтересованной стороны доказать обоснованность своих требований. Поэтому сторона, считающая, что ее права нарушаются недобросовестными действиями ее оппонента, должна привести необходимые доводы и доказательства таких действий.

Изложенное приводит к выводу о том, что гражданским процессуальным законодательством устанавливается презумпция факта добросовестности в реализации лицами, участвующими в деле, своих прав или их процессуального бездействия. Суд считает поведение лиц, участвующих в деле, добросовестным до того момента, пока не будет установлено иное. При этом установить недобросовестность поведения суд должен по своему усмотрению либо в случае наличия обоснованных доводов заинтересованных лиц, чьи права нарушаются таким поведением. В случае недобросовестной реализации своих прав участниками гражданского судопроизводства суд вправе применять меры ответственности, установленные гражданским процессуальным законодательством.

Библиографический список

1. Презумпции в советском праве: учебное пособие / В.К. Бабаев. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. 124 с.
2. *Никиташина Н.А.* Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2004. 185 с.
3. *Тарбагаева Е.Б.* Роль законных презумпций в процессе судебного доказывания и познания // Правоведение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. № 3. С. 55–58.
4. *Кузнецова О.А.* Презумпции в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 217 с.
5. *Смирнов А.В.* Презумпции в уголовном процессе / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский // Российское правосудие. 2008. № 4. С. 68–74.
6. *Матаева Н.С., Бальтанова Г.Ж.* Правовые презумпции в гражданском праве // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № 5. С. 99–106.
7. *Хорошавина Н.Ю.* Процессуально-правовые презумпции в гражданском судопроизводстве // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 562–565.
8. *Князькин С.И.* Проблемы доказывания в рамках проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 86–117.
9. *Ананьин Д.М.* Процессуальная активность суда в противодействии злоупотреблению процессуальными правами // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 4. С. 87–91.
10. *Ширяева К.А.* Объективность судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 186.

Юридическое образование и наука в XXI веке

С.М. Рукавишников,

кандидат юридических наук, докторант кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДОКТОРАНТУРЫ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

36

Ученая степень доктора наук занимает верхний уровень системы государственной научной аттестации, отражая уровень квалификации обладателя, способного к решению посредством научного творчества наиболее масштабных и значимых научных задач, а также к подготовке новых поколений исследователей. В соответствии с Положением о присуждении ученых степеней «диссертация на соискание ученой степени доктора наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны» [1]. Докторская диссертация предполагает выход за пределы исследовательских наработок, позволяющий не только решать значимые для той или иной отрасли знания задачи, что характерно для диссертаций на соискание

ученой степени кандидата наук, но и формировать концепцию по решению крупной научной проблемы, давать прогноз развития той или иной отрасли знаний, подходя к анализу данных и получаемым выводам наиболее широко. Масштаб целей и задач исследования вкупе с его объемом, сложностью и значительным временем, необходимым на подготовку, неизбежно способствуют значительному приращению исследовательских компетенций диссертанта, которые выводят на иной уровень знания и навыки организации научной работы, необходимые для подготовки новых поколений исследователей, в частности занятых работой над кандидатской диссертацией. Зарубежная практика научной аттестации разнообразна, однако в целом степень доктора выступает в качестве показателя высшей исследовательской и педагогической квалификации, на что указывает в том числе и стандарт ЮНЕСКО [2, с. 24]. Одним из вариантов подготовки докторов наук является институт докторантуры, без анализа нормативного регулирования которого рассмотрение механизма административно-правового регулирования в сфере подготовки научно-педагогических кадров было бы неполным.

В отличие от программ подготовки научных и научно-педа-

гогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), докторантура не относится к видам образования, не предусмотрены для нее и образовательные программы. В то же время Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) [3] наделяет образовательные организации высшего образования правом создания условий для подготовки научными и педагогическими работниками диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в докторантуре, чем упоминание названным законом докторантуры и ограничивается. Утвержденное соответствующим Постановлением Положение о докторантуре [4] определяет рассматриваемый институт буквально четырьмя словами – как форму подготовки научных кадров. Специально перечень таких форм подготовки законодательно не устанавливается, однако положения Закона об образовании позволяют отнести к ним также упомянутый институт аспирантуры (адъюнктуры). Различие между этими двумя формами в части присутствия образовательного компонента (присущего только аспирантуре) объясняется целями соответствующих форм. В то время как аспирант может быть выпускником вуза, формирующим первичные профессиональные навыки исследовательской работы и педагоги-

ческой деятельности, нацеленным на подготовку и защиту диссертации на соискание первой ученой степени (кандидата наук), докторант в любом случае – состоявшийся исследователь, в достаточной мере овладевший навыками, наличие которых позволяет ему подготовить и защитить диссертацию высшей сложности (доктора наук). С этим же связано и наименование субъекта, для аспиранта являющегося научным руководителем, а для докторанта – научным консультантом, так как фактическое руководство исследованием осуществляет сам соискатель докторской степени. Примечательно также, что если в случае с аспирантурой речь идет о подготовке научных и научно-педагогических кадров, то докторантура направлена на подготовку научных кадров, что, на первый взгляд, оставляет за рамками данного института подготовку преподавателей высшей квалификации. В то же время это не соответствует действительному положению вещей, при котором именно доктора наук играют ключевую роль в подготовке аспирантов как с точки зрения выполнения обязанностей научного руководителя, так и при реализации соответствующих образовательных программ.

Указанное выше право образовательных организаций на создание условий для подготовки

диссертаций в докторантуре характеризует сущность соответствующего института, его основную специфику, что корректно и логично отразить в соответствующем определении. Буквальное толкование понятия «подготовка научных кадров» не позволяет отграничить докторантуру ни от аспирантуры, ни даже от образовательных программ высшего образования, после освоения которых субъект может замещать должность научного работника. Термины «научные кадры» и «научные работники» уместно рассматривать в качестве тождественных, также необходимо обратить внимание на нормативное регулирование второго из них. В соответствии с положениями Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [5] научным работником (исследователем) является гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью. Перечень таких должностей устанавливает утвержденный Постановлением Минтруда России от 21 августа 1998 г. № 37 Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих [6]. В частности, данным документом устанавливается, что при наличии

рекомендаций советов высших учебных заведений (факультетов) на должность младшего научного сотрудника могут быть назначены в порядке исключения выпускники высших учебных заведений, получившие опыт работы в период обучения. Все это очевидно указывает на то, что целью докторантуры является подготовка не просто научных кадров, но специалистов, способных к проведению докторского исследования и защите диссертации на соискание соответствующей ученой степени. В данном случае возникает вопрос: обязан ли докторант следовать такой цели? Положение о докторантуре, устанавливая обязанности докторантов, указывает на проведение научных исследований, осуществление подготовки диссертации в соответствии с индивидуальным планом, своевременное выполнение индивидуального плана, а также ежегодный отчет перед ученым (научным, научно-техническим) советом принимающей организации о выполнении индивидуального плана. Перечень обязанностей открыт и выглядит закономерным в части отсутствия обязанности по защите диссертации, принимая во внимание как минимум процедуру публичной защиты диссертации, по результатам которой искомая степень может и не быть присуждена по множеству оснований, не-

обязательно указывающих на неисполнение докторантом своих обязанностей. В то же время требование о следовании индивидуальному плану и ежегодном отчете выглядит излишне общим и мягким, так как, с одной стороны, очевидно содержит в себе необходимость подготовки текста диссертации, но с другой стороны, не тождественно такой необходимости. Кроме того, Положение о докторантуре не содержит механизма ответственности за невыполнение плана или непрохождение (либо неудачное прохождение) отчета о выполнении плана. В то же время такое условие могло бы повысить эффективность докторантуры, выступив в качестве дополнительного стимула для своевременной подготовки исследования. Несмотря на очевидную разницу между докторантурой и аспирантурой, а также на существенные различия в целях и специфике данных институтов, следует отметить, что Положение о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) прямо указывает на невыполнение индивидуального плана как на недобросовестное исполнение обязанностей, признавая данное обстоятельство основанием для отчисления из организации [7].

Нельзя не отметить и иную сторону создания условий для докторанта в виде его материальной,

а также организационной поддержки, что тоже является значимым обстоятельством, указывающим как на содержание соответствующих общественных отношений, так и на их специфику, отличающую их, в частности, от социальных связей в области стипендиального обеспечения аспирантов по условиям и объемам финансирования.

Таким образом, докторантуру можно определить как форму подготовки научных кадров (докторантов), предусматривающую создание материальных и организационных условий для написания диссертации на соискание ученой степени доктора наук и подго-

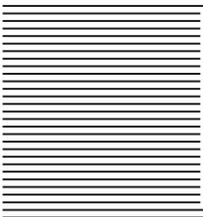
товки ее к защите. Предлагаемое определение будет содержать фактически существующие признаки докторантуры и ее ключевую цель. В то же время дополнительного анализа с целью выработки соответствующих предложений требует нормативная основа, обеспечивающая порядок подготовки в докторантуре, – в части создания материальных условий, мер стимулирования и ответственности докторантов и научных консультантов и иных вопросов, требующих решения для повышения эффективности соответствующей формы подготовки научных и научно-педагогических кадров.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с Положением о присуждении ученых степеней) (с изм. от 25 января 2024 г.) // СЗ РФ. 2013. № 40, ч. 3, ст. 5074; 2024. № 5, ст. 710.
2. *Габов А. В., Мацкевич И. М.* Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 18–28.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; Российская газета. 2023. 29 декабря.
4. Постановление Правительства РФ от 4 апреля 2014 г. № 267 «Об утверждении Положения о докторантуре» // СЗ РФ. 2014. № 15, ст. 1759; 2018. № 41, ст. 6260.
5. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. от 25 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 35, ст. 4137; 2024. № 1, ч. 1, ст. 66.
6. Постановление Минтруда России от 21 августа 1998 г. № 37 «Об утверждении Квалификационного справочника должностей руководи-

телей, специалистов и других служащих». В последней редакции документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2122 «Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» // СЗ РФ. 2021. № 49, ч. 2, ст. 8308.

Современные лингвистические исследования

Т.А. Александрова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЮРИСТА-ПЕРЕВОДЧИКА

42

В современном мире, где глобализация и межкультурное взаимодействие становятся все более интенсивными, роль переводчиков является важной и неотъемлемой частью общественной жизни. Переводчик играет особую роль в осуществлении межкультурного обмена информацией, обеспечивает точность и качество перевода, влияет на различные сферы деятельности и способствует сохранению культурного разнообразия. Подготовка и поддержка переводчиков должны быть приоритетом для образовательных и социальных институтов в целях обеспечения эффективной и гармоничной интеграции между людьми разных культур и национальностей.

Понятие «перевод» охватывает как результат человеческой деятельности, так и сам процесс создания этого результата. В контексте коммуникации перевод играет ключевую роль, являясь центральным звеном, обеспечивающим эффективное функционирование обмена информацией между различными языковыми, культурными и профессиональными сообществами. К.М. Левитан определяет процесс перевода как «опосредованную двуязычную

коммуникацию, в результате которой смысл исходящего текста передается средствами переводящего языка и реализуется в коммуникативно-равноценном тексте перевода» [1, с. 14].

Перевод как коммуникативное явление может быть разделен на несколько категорий, основанных на целях перевода и характере текстов. Так, задачей переводчика при выполнении литературного перевода, при котором важным аспектом является передача стиля, эмоций и художественной выразительности оригинала, является сохранение авторского почерка и создание аналогичного эффекта на целевую аудиторию. При переводе специализированных текстов – медицинских, экономических или юридических – переводчик должен обладать не только языковой компетенцией, но и глубоким пониманием специфики предметной области.

Переводческая компетенция представляет собой ключевую способность переводчика успешно осуществлять коммуникативное посредничество между разными языковыми и культурными средами. Переводческая компетенция включает в себя не только знание языков, но и глубокое понимание контекста, что позволяет точно передавать смысл текста в различных областях: от науки и техники до искусства и юриспруденции.

Понятие «переводческая компетенция» довольно активно обсуждается в рамках разрабатываемых стандартов в области образования, а также в статьях российских и зарубежных специалистов в области переводоведения: И.С. Алексеевой, Н.К. Гарбовского, В.Н. Комиссарова, Р.К. Миньяр-Белоручева, Г.Э. Мирма, Роджера Белла и др. [2–7].

В последнее время в результате исследований о составе переводческой компетенции была разработана модель, включающая ряд субкомпетенций, отражающих социальные, коммуникативные и текстовые навыки переводчика. Например, в основе лингвистической компетенции лежит глубокое знание языков, как исходного, так и языка перевода. Переводчик должен владеть не только грамматикой и лексикой, но и особенностями структуры предложений, идиомами, а также культурными нюансами, влияющими на языковое выражение. От перевода литературных произведений до перевода технических документов переводчик должен быть способен адаптировать свои языковые навыки под требования конкретной области. Контекстуальная гибкость и широкий лингвистический арсенал позволяют справляться с различными жанровыми особенностями текстов.

Навыки межкультурной коммуникации являются неотъемле-

мой частью экстралингвистических компетенций. Понимание особенностей менталитета и коммуникативных стилей различных культур помогает переводчику строить мосты между языками и быть посредником, способным эффективно общаться в разнообразных языковых и профессиональных средах.

Компетенции передачи информации включают в себя умения понимания, декодирования, перефразирования, трансформации, планирования процесса перевода в целом. Стратегическая компетенция предполагает владение умениями концентрации внимания, совершенствования памяти, самокоррекции, психомоторными навыками, когнитивными способностями, определенными психологическими характеристиками. Профессиональная компетенция подразумевает владение современными технологиями, методами получения и использования информации, знанием ситуации на профессиональном рынке труда.

«Юридический перевод, как особое направление переводческой деятельности, охватывает различные сферы в области права, предпринимательства, международных отношений. Как разновидность специального перевода, юридический перевод – это, вне всякого сомнения, серьезный процесс, требующий от переводчика как соответствующей лингвистической

подготовки, так и глубоких знаний юридической терминологии, судебных систем и правовых норм. Несоответствия правовых систем, уникальные для каждой страны культурные, исторические и социальные особенности вызывают основные трудности при переводе текстов юридической направленности» [8, с. 31].

На наш взгляд, профессиональная компетенция юриста-переводчика охватывает ряд взаимодополняющих друг друга аспектов. Во-первых, владение двумя или более языками предполагает:

- 1) глубокое и полное понимание исходного языка;
- 2) активное владение и постоянное совершенствование знаний родного языка;
- 3) знание предпочтительных норм речи (узуса);
- 4) умение понимать и создавать тексты разных типов в соответствии с принятыми правилами;
- 5) умение формировать правильные выводы на основе речевых высказываний и сопоставлять инференциальные способности представителей двух языковых коллективов с учетом различий их фоновых знаний.

Техника юридического перевода включает в себя знакомство с основными положениями теории перевода, умение видеть переводческие проблемы и выбирать спо-

собы их решения, умение выбирать и правильно использовать технические приемы перевода для преодоления трудностей, связанных с лексическими, грамматическими и стилистическими особенностями исходного языка.

Знание предметной области включает знакомство с темой общения или переводимого текста, знание юридической терминологии и различий в терминологических системах двух стран, наличие таких личностных характеристик, как мотивация к переводческой деятельности, хорошая память, внимание, коммуникабельность, соблюдение

норм профессиональной этики, необходимых устному переводчику.

Таким образом, потребность в подготовке большого числа высококвалифицированных, профессионально компетентных переводчиков является неотъемлемой характеристикой современного общества. Переводчики играют важную роль в сохранении и передаче языкового наследия, обеспечивая доступ к культуре и знаниям, заключенным в других языках. Они помогают преодолеть языковые барьеры и способствуют развитию взаимопонимания и толерантности между различными культурами.

Библиографический список

1. *Левитан К. М.* Юридический перевод: основы теории и практики: учеб. пособие. М.: Проспект, 2011. 352 с.
2. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение: учеб. пособие. М.: Академия, 2006. 352 с.
3. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода: учеб. пособие для вузов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. 544 с.
4. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2014. 407 с.
5. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. 176 с.
6. *Мирам Г. Э.* Профессия: переводчик. К.: Ника-Центр 1999. 160 с.
7. *Bell Roger T.* Translation and Translating: theory and practice. Longman, 1991. 298 p.
8. *Александрова Т. А.* Генерализация как прием лексико-семантической трансформации при переводе юридических текстов с английского языка на русский // *Филологический аспект: международный научно-практический журнал.* 2022. № 1 (81). С. 31–35.

Е.Ю. Балашова,
доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

КОРПУСНЫЕ МЕТОДЫ В ЖАНРОВЫХ И ПРАГМА-КОММУНИКАТИВНЫХ ВИДАХ АНАЛИЗА

(НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТИЯЗЫЧНОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ООН)

В современной корпусной лингвистике жанровое аннотирование считается одним из самых сложных видов корпусной разметки, требующим от исследователя выполнения целого ряда задач:

- 1) проведения статистического анализа корпусных текстов, позволяющего выделить ключевые слова и высокочастотные терминологические сочетания;
- 2) определения базовых морфо-синтаксических паттернов и клише, функционирующих в том или ином корпусе;
- 3) описания инвентаря основных жанровых образцов аннотируемого корпуса и проведения их прагма-коммуникативного функционального анализа [1].

Выполнение перечисленных задач может осложняться тем фактом, что исследователь имеет дело не с общезыковым, а со специальным корпусом текстов, где границы между жанрами нередко размыты, в связи с чем прагма-коммуникативные функции приобретают пограничный характер. Однако при составлении списка ключевых терминологических сочетаний, принадлежащих той или иной сфере употребления, тому или иному подязыку, применение корпус-менеджер программы *AntConc* на материале специального корпуса может быть достаточно эффективным.

Так, по данным корпус-менеджер программы *AntConc*, специальный корпус юридических и дипломатических документов *UN Corpus* [2] содержит следующие термины с частотой употребления более 1000: *agreement* (5875), *article* (2045), *European* (1805), *party* (1420), *regulation* (1414), *republic* (1349), *lessor* (1209), *com-*

mission (1194), *parties* (1170), *lessee* (1033).

Жанры указанного корпуса реализуют следующие прагма-коммуникативные функции:

1. *Аргументативная / argumentative* (все типы рекомендательных документов): I am also addressing a most urgent appeal to the international community and every country in it, together with regional and international organizations and humanitarian agencies, to work together in an urgent initiative to provide whatever aid is necessary to save the Rwandan people, our brothers, and to share in the alleviation of this tragedy. Achieving this aim will certainly be easier if the international community takes every step necessary to send to Rwanda and widely deploy there, as quickly as possible, an international peace-keeping force, to work towards establishing security and unity in this fraternal country.

2. *Информативная / informative* (*agenda, back-ground paper, leaflet, fact sheet, explanatory note etc.*): This year, the Sixth Committee adopted two draft resolutions under this item, which are contained in paragraph 17 of the report. Under draft resolution I, entitled “Declaration on the Enhancement of Cooperation between the United Nations and Regional Arrangements or Agencies in the Maintenance of International Peace and Security”, the General Assembly would approve the Declaration annexed

to the draft resolution, and would express its appreciation to the Special Committee for its important contribution to the elaboration of the text of the Declaration.

3. *Директивная / the function of command* (*administrative instructions, guidelines, information circular, working paper*): In order to ensure receipt of all applications submitted by staff members from offices away from Headquarters, such staff members are requested to return their applications to the Strategic Planning and Staffing Division of the Office of Human Resources Management through the Chief Administrative Officer or Director of the United Nations Information Centre of their respective duty stations by 20 March 2009, the deadline for receipt of applications in the Examinations and Tests Section.

4. *Аналитическая / analytical* (*analytical report, analytical review, legal analysis, research, legal study*): The Implications of the Human Rights Challenges for the UN Procedures A first observation that follows from the above review of these cases regards the distinction between the more comprehensive sanctions as applied on Yugoslavia in the Bosphorus case and targeted sanctions as applied by UN Security Council Resolution 1267 in the Yusuf and Kadi cases.

5. *Регулятивная / regulative* (*act, amendment, bill, ordinance, protocol,*

statute, norms): Under the operative part of the draft resolution, the General Assembly would, inter alia, endorse the recommendations and conclusions of the Committee on Relations with the Host Country and express the hope that the host country will continue to take all measures necessary to prevent any interference with the functioning of the missions, and that problems raised at the meetings of the Committee will continue to be resolved in a spirit of cooperation and in accordance with international law.

Однако UN Corpus содержит ряд пограничных жанров, реализующих несколько прагма-коммуникативных функций одновременно и потому вызывающих трудности при жанровом аннотировании упомянутого корпуса. К пограничным жанрам мы относим an assessment report (informative and evaluative functions), a summary report (analytical and informative functions), a memorandum (regulative and informative functions), a request (argumentative and appellate functions), recommendations (argumentative and regulative functions), a conference programme (informative function and the function of command).

Мы полагаем, что анализ экстра- и интратекстуальных свойств [3] пограничных жанровых образцов корпуса, а также их дискурсивных маркеров [4] позволяет создать бо-

лее эффективную методiku жанрового аннотирования специальных корпусов. К экстратекстуальным свойствам того или иного жанрового образца, как правило, относят реализуемый им набор прагма-коммуникативных функций, а также специфичную коммуникативную ситуацию, тогда как интратекстуальные свойства представляют собой собственно лингвистические особенности жанра: его частеречные характеристики, лексические (метафоры и сравнения, официальные клише и специальная терминология, модальные глаголы, принадлежащие различным смысловым группам (necessity verbs, possibility verbs, suasive verbs) и др.) и синтаксические свойства (усилительные конструкции, риторические средства аргументации, парентеза как средство логической организации текста, сложные предложения с разными видами связи, адвербиальные обороты).

Дискурсивные маркеры как языковые инструменты структурирования дискурса также представляют собой важный показатель в процессе определения принадлежности текста к той или иной тематической сфере корпуса и выявления его жанровых характеристик.

Таким образом, разработка приемов жанрового аннотирования входит в комплекс перспективных задач компьютерной лингвисти-

ки, ориентированной на создание рванной жанровой разметки электронного корпуса текстов.

Библиографический список

1. *Балашова Е. Ю.* Приемы жанрового аннотирования англоязычного корпуса архивных документов ООН // Языковое сознание. Речевая коммуникация: матер. междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. Е. Гольдина (14–16 октября 2020 г., г. Саратов, СГУ). Саратов: Наука, 2020. С. 130–136.
2. UN Corpus. URL: <https://conferences.unite.un.org/UNCorpus>
3. *Lehberger J.* Sublanguage analysis // Grishman R., Kittredge R. Analyzing language in restricted domains: sub-language description and processing. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. P. 19–38.
4. *Молодкин А. М.* The semantic-pragmatic features of English multifunctional adverbials in spoken discourse of the courtroom participants: theoretical frameworks and translation strategies // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2023. № 1 (8). С. 35–44.

А.С. Беляев,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Термины со значением лица образуют самую многочисленную группу номинантов в юридической терминологии. Термины данной группы имеют яркую этнолингвистическую специфику, во-первых, потому что они обозначают понятия, тесно связанные с социально-политическими и бытовыми понятиями, типичными для конкретного общества, а во-вторых, в значениях этих терминов, как показал проведенный анализ, наряду с универсальными имеется большое количество идиоэтнических сем. Национально-культурная специфика терминов указанной группы проявляется как в плане выражения, так и в плане содержания. Еще В. Гумбольдт писал, что одно из важнейших различий между языками связано со способами обозначения, выражающими точку зрения на предметы и на построенные для этих предметов понятия [1, с. 37].

С.Д. Канцельсон отмечал, что «появление необязательных в типологическом отношении и до некоторой степени “избыточных” идиоэтнических категорий является следствием своеобразных и противоречивых отношений, складывающихся между планами выражения и содержания в языке» [2, с. 14]. Рассматриваемая группа номинантов может быть подразделена на следующие подгруппы терминов, обозначающих лиц:

- по их месту в правовой профессии;
- по свойству или признаку, определяющему их специальные полномочия или совокупность их прав и обязанностей;
- нарушивших закон (субъектов правонарушения);
- агентов правомерного действия;
- адресатов правомерного действия.

Термины, обозначающие представителей правовой профессии, можно выделить уже в тексте законов английских королей и в тексте Русской Правды, например: *chancellor*, *judge*, *justice in eyre*, *shire reeve*; *судья*, *съезжий судья*, *стряпчий*, *тиун*, *дьяк*, *урочник*.

Большинство терминов рассматриваемой группы одинаково маркированы во всех трех терминосистемах, так как системы денотатов трех правовых систем в целом обнаруживают большое сходство. Но тот факт, что каждая правовая категория, несмотря на общие, универсальные тенденции в своем развитии, характеризуется определенной спецификой, объясняет наличие безэквивалентных терминов в одной культуре, но отсутствие таковых в другой.

Анализ терминов со значением правовой профессии, обозначающих межъязыковые понятия, выявил следующие их особенности. Со структурной точки зрения такие термины в английской юридической терминологии (АЮТ) и американской юридической терминологии (АМЮТ) бывают трех видов: простые, сложные и составные.

К простым (непроизводным и образованным при помощи аффиксации) относятся следующие термины: *lawyer (jurist)* – *юрист*, *judge (justice)* – *судья*, *juror* – *присяжный*, *prosecutor* – *прокурор*

(*обвинитель*), *advocate (lawyer)* – *адвокат (защитник)*, *investigator* – *следователь*, *detective* – *сыщик*, *notary* – *нотариус*. Проведенный анализ показывает, что в рассматриваемых терминах трех терминосистем нет больших различий ни в способе обозначения, ни в семантике, так как все они обозначают равно маркированные понятия во всех трех правовых культурах. Однако некоторые расхождения все же имеются: в способе обозначения – простым словам в АЮТ и АМЮТ соответствуют производные слова или даже составные термины в русской юридической терминологии (РЮТ): *judge* – *судья*, *intern* – *младший юрист*.

Что касается способа обозначения, необходимо отметить, что сложные термины со значением правовой профессии представлены в АЮТ и АМЮТ достаточно широко: *daysman*, *factfinder*, *patrolman*, *policeman*, *talesman*, *lawgiver*, *lawmaker* и т.д. Одной из частей сложных терминов со значением профессии в АЮТ и АМЮТ часто являются слова *man* – *человек*, *law* – *закон*. В РЮТ количество сложных терминов со значением правовой профессии весьма ограничено: *законодатель*, *юрисконсульт*, *судмедэксперт*.

Во всех трех терминосистемах имеются составные термины со значением правовой профессии, выра-

женные словосочетаниями: *public advocate* – общественный защитник, *Attorney General* – генеральный прокурор (министр юстиции), *company lawyer* – юристконсульт, *justice of peace* – мировой судья, *trial lawyer* – адвокат, *Director of Public Prosecution* – главный прокурор. Как и у простых терминов, у сложных при сопоставлении составных номинантов наблюдается несоответствие в обозначении межъязыковых понятий в рассматриваемых терминотерминах. Составные термины в АЮТ и АМЮТ *trial lawyer*, *court judge*, *company lawyer* передаются простыми или сложными терминами в РЮТ: *адвокат*, *судья*, *юристконсульт*.

Еще одной характерной особенностью терминов, обозначающих правовую профессию в АЮТ и АМЮТ, в отличие от РЮТ, является полисемия англо-американских терминов. Например, термин *attorney* имеет следующие значения: “1) *an agent or one who acts on behalf of another*; 2) *a party prosecuting or defending an action in person*; 3) *professional law association*” [3, р. 85–86]. Термин *lawyer* имеет значения: “1) *a person learned in law and licensed to practice law*; 2) *any person who defends causes in court*” [3, р. 614]. Кроме того, значение термина *General Attorney* различно в АЮТ и АМЮТ, оно тесно связано с особенностями английской и аме-

риканской правовой систем. В АЮТ термин *General Attorney* употребляется в значении «генеральный прокурор», а в АМЮТ – «министр юстиции»; в значении «генеральный прокурор» в АМЮТ используется другой составной термин – *United States Attorney* [3, р. 849].

В проанализированной группе терминов в АЮТ, АМЮТ и РЮТ наблюдается синонимия, причем англо-американские термины имеют больше синонимов, чем русские. В РЮТ источником синонимии служат иностранные заимствования, например: *защитник* – *адвокат*, *обвинитель* – *прокурор*, *присяжные* – *жюри*. В АЮТ и АМЮТ синонимами могут быть как иноязычные заимствования, так и английские слова. Ср.: *lawyer* (в значении «адвокат») имеет синонимы *counsel* – *attorney* – *advocate* – *defensor* – *jurist* – *legist* (в значении «юрист»); *investigator* – *factfinder*; *house lawyer* – *company lawyer* – *legal adviser*; *magistrate* – *justice of peace*.

К подгруппе, обозначающей лицо по свойству или признаку, определяющему его обязанности или полномочия, относятся следующие термины: *guardian* – *опекун*, *nephew* – *ближайший родственник*, *heir* – *наследник*, *heir testamentary* – *наследник по завещанию*, *heir at law* – *наследник по нисходящей линии*, *legitimate heir* – *наследник по прямой линии*, *witness* – *свидете-*

тель, *swift witness* – пристрастный свидетель, *false witness* – лжесвидетель, *skilled witness* – свидетель-эксперт, *successor* – преемник, *owner* – владелец, *lawful man* – законнослушный гражданин, *real party in interest* – заинтересованная сторона и т.д. В процессе анализа были выявлены простые, сложные и составные термины, входящие в данную группу. В этой группе терминов преобладают составные термины в АЮТ, АМЮТ и РЮТ.

Так же, как и в двух уже проанализированных группах терминов, в рассматриваемой группе выявлено несоответствие в обозначении понятий при полном совпадении значений. Термины, обозначенные отдельными лексемами в АЮТ и АМЮТ, представлены преимущественно составным термином в РЮТ, например: *legatory* – наследник, *resident* – лицо, постоянно проживающее в пределах данной юрисдикции, *non-resident* – лицо, проживающее вне пределов данной юрисдикции, *landholder* – владелец недвижимости, *freeman* – полноправный гражданин. Встречаются и обратные примеры, когда составной термин в АЮТ и АМЮТ обозначен отдельной лексемой в РЮТ, например: *false witness* – лжесвидетель, *joint owner* – владелец, *part owner* – совладелец.

В АМЮТ и АЮТ наблюдается более развитая синонимия по срав-

нению с РЮТ: *guardian* – *custodian* – *next friend*; *adverse witness* – *hostile witness*, *swift witness* – *zealous witness*, *prosecuting witness* – *witness of prosecution* и т.д. Как правило, синонимы являются дублетами. Но встречаются и исключения. Так, если проанализировать цепочку синонимов для терминов, обозначающих лицо, наделенное в силу определенных свойств или признаков правами или обязанностями, и содержащих сему ‘владение собственностью’, например *landlord* – *landowner* – *possessor* – *owner* – *keeper*, то можно прийти к выводу, что данные синонимы не являются дублетами, и хотя они выражают межъязыковое понятие «владелец собственности», представленное и в РЮТ, некоторые из этих терминов обладают семантикой, выражающими национально-культурную специфику самого концепта собственности.

Западная правовая система основалась, по замечанию Г. Дж. Бермана, на триптихе наиболее важных ценностей западной жизни, который включал жизнь, свободу и собственность [4, с. 296]. Правоведы очень тщательно разрабатывали принципы регулирования вопросов, связанных с частной собственностью в любом виде. Особое внимание уделялось правам собственности на землю.

В России понятие частной собственности, сама концепция

частного владения стали неактуальными после революции 1917 г. Правоведы в СССР обращали большее внимание на разработку принципов регулирования вопросов, связанных с государственной собственностью. Некоторые аспекты владения частной собственностью оставались вне поля зрения. Поэтому неудивительно, что в РЮТ нет термина «владелец собственности», в котором бы присутствовала сема 'принадлежность собственности опекаемому', как в термине *keeper* – “*a custodian, ... or manager, one who has the care, custody or management of anything or place, one who has or holds the possession of everything*”. В РЮТ термин «опекун» содержит сему права 'распоряжение собственностью от имени опекаемого', но не сему 'владение собственностью опекаемого'. Наличие этой семы принадлежности собственности опекаемому позволяет сделать вывод, что синонимы *landowner* – *landlord* – *possessor* – *keeper* являются идеографическими.

Если рассматривать термин «опекун» во всех трех терминосистемах, то можно также выявить неполное совпадение в семантике, хотя он обозначает универсальное для всех трех терминосистем понятие. Русский термин «опекун» определяется как «представитель подопечных в силу закона и совершающий от их имени и в их ин-

тересах все необходимые сделки» [5, с. 449]. Предполагается, что лицо, являющееся опекуном, также представляет своего подопечного в суде, где действует в его интересах.

Английский термин *guardian* определяется как “*a person lawfully invested with the power, and charged with the duty, of taking care of the person and managing the property and rights of another person...One who legally has responsibility for the care and management of the person, or the estate, or both of a child during the minority*” [3, p. 479]. В определение английского термина *guardian* входит в качестве основного компонента сема 'property' (собственность), отсутствующая в русском определении, где основное содержание термина раскрывается через делегирование прав опекаемому опекуну. Кроме того, в английской и американской правовых системах подопечному может быть назначено несколько опекунов со строго разграниченными обязанностями. В русской правовой системе такого строгого разграничения обязанностей между несколькими опекунами не существует. В АЮТ и АМЮТ имеются специальные термины, обозначающие такое разграничение, которые являются безэквивалентными терминами для РЮТ, так как они обозначают понятия, немаркированные в силу не-

достаточно детальной юридической разработанности понятия «частная собственность» в РЮТ. Строго говоря, термином, наиболее точно соответствующим русскому термину «опекун», является термин *general guardian* – “one who has the general care and control of the person and estate of the ward” (опекун со всесторонними функциями) [3, p. 488).

Так же, как в уже проанализированных подгруппах терминов, обозначающих межъязыковые юридические понятия во всех трех правовых системах, в рассматриваемой подгруппе выявляется асимметрия в плане выражения терминов, к тому же некоторые термины являются неравноэквивалентными, в них присутствует сема национально-культурной маркированности.

Асимметрия в плане выражения термина наблюдается и в подгруппе терминов со значением субъекта правонарушения. Проведенный анализ показал, что в РЮТ преобладают термины, выраженные словосочетаниями, то есть составные термины, а в АЮТ и АМЮТ – термины, выраженные словами, например: *intringer* – *нарушитель патентных прав*, *pilferer* – *мелкий жулик*, *tidger* – *уличный грабитель*, *embraceor* – *лицо, подкупающее присяжных*, *hijacker* – *угонщик самолета*, *penpnyweighter* – *вор, совершивший кражу в ювелирном магазине*, *pusher* – *торговец нарко-*

тиками, *assasin* – *наемный убийца*, *felon* – *лицо, совершившее фелонию*, *counterfeiter* – *мошенник*, *rustler* – *вор скота* и т.д. Имеются обратные примеры, когда составной термин в АЮТ и АМЮТ выражен простым термином в РЮТ, но такие примеры немногочисленны, например: *habitual criminal* – *рецидивист*, *person of aiding and abetting* – *пособник*, *disordely person* – *хулиган*.

В русском языке в силу национально-культурных особенностей формирования юридического языка не наблюдается такого большого количества синонимов, как в АЮТ и АМЮТ, и в группе терминов, обозначающих субъекта преступления, встречаются только отдельные примеры синонимов: *серийный убийца* – *убийца-маньяк*; *преступник* – *правонарушитель*.

В РЮТ понятие лица, нарушившего закон, выражено двумя простыми терминами – «преступник» и «правонарушитель». В последнее время в научно-популярной литературе широко используются такие заимствования-варваризмы, как *де-линквент* и *фелон*.

В АЮТ И АМЮТ, как уже было показано, существует гораздо больше синонимов для обозначения понятия «преступник». Термин *perpetrator* вызывает особый интерес, потому что его употребление обусловлено национально-культурными особенностями английской

и американской правовых систем. Семантической спецификой термина, обусловленной национальными особенностями, является проявление его многозначности в зависимости от терминосистемы, в которой он используется. Так, в АЮТ термин *perpetrator* имеет только одно значение – *person, who does something, especially person, who commits a crime* [3, p. 176]. Будучи заимствованным американской правовой терминологией под воздействием развития собственной системы права, данный термин развил второе значение. В отличие от АЮТ, в АМЮТ термин *perpetrator* стал многозначным. Он может использоваться в значениях: “1) *the person who actually commits a crime or delict*; 2) *the person by whose immediate agency it occurs*” [3, p. 790]. В первом значении термин *perpetrator* является синонимом терминов *criminal – offender – criminal offender; wrongdoer – tortfeasor; principal*. Во втором значении термин является синонимом терминов *aider and abettor* и *principal in the second degree*. В современном американском юридическом языке термин *perpetrator* крайне редко используется в значении «преступник», он обычно используется в своем втором значении – «помощник и подстрекатель». Универсальное правовое значение – «преступник», «правонарушитель».

Термины, обозначающие агента действия и адресата действия.

Анализируемая подгруппа терминов включает следующие термины со значением «агент действия»: *creditor – кредитор, indemnitor – гарант, должник по договору гарантии, affreighter – фрахтователь, plaintiff – истец*. Термины этой группы обозначают межъязыковые понятия во всех трех терминосистемах. Была выявлена следующая специфика в данной подгруппе терминов. Как и во всех проанализированных ранее подгруппах терминов со значением лица, в РЮТ, АЮТ и АМЮТ наблюдается асимметрия в плане выражения. Производным терминам в АЮТ и АМЮТ соответствуют простые и сложные термины в РЮТ, например: *mortgagor – залогодатель, assignor – цедент, adpromissor – гарант, consigner – грузополучатель*. По сравнению с АЮТ и АМЮТ, в РЮТ в рассматриваемой подгруппе преобладают составные термины (термины-словосочетания), а не *универбы*, например: *лицо, на которое выставляется аккредитив; продавец земли; лицо, делающее предложение; соответчик в бракоразводных делах* и т.д.

Во всех трех терминосистемах наблюдается синонимия терминов, обозначающих лицо, агента действия: *assignor – cedent, creditor – promisee, appellant – appellator, co-plaintiff – co-litigant, indemni-*

tor – guarantor. В РЮТ синонимия не так широко представлена, и она, как и в рассмотренных выше случаях, имеет место тогда, когда в РЮТ имеется термин-заимствование, например: *гарант – поручитель, кредитор – цедент, апеллант – истец по апелляции*. В АЮТ и АМЮТ источниками синонимии терминов являются не только заимствования, но и другие способы образования терминов, например: *co-litigant – co-defendant, creditor, promisee* и т.д.

В АЮТ и АМЮТ наблюдается полисемия терминов со значением лица, агента действия: *co-litigant – 1) соистец; 2) соответчик; guarantor – 1) поручитель; 2) гарант, должник по договору гарантии* [5, р. 81, 180]. В РЮТ не наблюдается полисемии терминов.

В подгруппу терминов, обозначающих адресата действия, входят следующие термины: *offeree – лицо, которому делается предложение, mortgagor – залогодержатель, obligee – лицо, по отношению к которому принято обязательство, warrantee – лицо, получающее гарантию, distrainee – лицо, у которого взято имущество в обеспечение выполнения обязательств*.

В данной подгруппе терминов не выявлено большого разнообразия в способе терминования понятий, так как в АЮТ и АМЮТ термины этой подгруппы по большей

части представляют собой производные слова: *drawee, employee, nominee*. Примеры составных терминов, выраженных словосочетаниями, единичны: *person proceeded against, person aided and abetted*.

В РЮТ наблюдается преобладание составных терминов: *лицо, в пользу которого имеет место отказ от права; адресат оферты; доверенное лицо; лицо, у которого взято имущество в обеспечение выполнения обязательств*, и т.д. Примеры терминов, обозначенных одним словом, единичны: *регрессат, индоссат, жират, цессионарий*. Все простые термины данной подгруппы в РЮТ являются заимствованиями, поэтому и в этой группе терминов наблюдается явление синонимии: *трассат – векселедержатель; жират – лицо, на которое переводится вексель; индоссат – лицо, получающее вексель или другую бумагу по передаточной надписи; жират – лицо, на которое переводится вексель или товаросопроводительный документ, цессионарий – лицо, которому передаются права кредитора*. В АЮТ и АМЮТ в данной подгруппе терминов также имеются единичные примеры синонимии: *garnishee – arrestee*.

Таким образом, на основе проведенного анализа терминов со значением лица в АЮТ, АМЮТ и РЮТ можно сделать вывод о том, что термины, обозначающие идентич-

ные правовые понятия во всех трех терминосистемах, имеют различия в способе наименования. Для АЮТ и АМЮТ более характерно прямое обозначение терминируемых понятий со значением лица. В РЮТ эти же понятия обозначены описательным путем. Помимо этого, для АЮТ и АМЮТ более характерна синонимия терминов со значением лица. Наличие национально-куль-

турного компонента в семантике рассматриваемых терминов приводит к возникновению идеографической синонимии, наблюдаемой в некоторых случаях в АЮТ и АМЮТ. В РЮТ синонимия носит, как правило, абсолютный характер. Синонимами к существующим терминам группы, обозначающими лицо, являются слова, заимствованные из другого языка.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. 451 с.
2. Канцельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. 216 с.
3. Black's Law Dictionary. Boston, 1998. 1511 p.
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. 622 с.
5. Большой юридический словарь. М., 1998. 789 с.

Е.А. Богачева,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АНАЛИЗА СУДЕБНОГО СУБДИСКУРСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

За последние несколько десятилетий область анализа исторического дискурса значительно расширилась и получила признание. Исследователи разных стран внесли свой вклад в ее развитие, предлагая различные названия и подходы. Среди них можно выделить «современную филологию» [1], «междисциплинарную филологию» [2], «анализ исторического дискурса» или «лингвистику исторического текста» [1], «диахроническую текстовую лингвистику» [3] или «историческую прагматику» [4]. Основной целью анализа исторического дискурса является изучение того, как язык используется в различных исторических контекстах, как он отражает социальные, политические и культурные изменения. В частности, историческая прагматика фокусируется на изучении того, как люди использовали язык в прошлом, чтобы достичь своих целей и намерений, и как эти цели и намерения изменялись с течением времени. Исследования в области анализа исторического дискурса часто основываются на письменных источниках, таких как литературные произведения, исторические документы, юридические документы и т.д. Однако в последние годы все больше внимания уделяется и устным источникам – аудиозаписям, видеозаписям и т.д. Анализ исторического дискурса имеет большое значение для понимания истории языка, развития различных жанров и стилей речи, а также для изучения социальных и культурных изменений. Результаты исследований в этой области используются в различных дисциплинах, в частности в истории, социологии, политологии, праве и т.д. Кроме того, анализ исторического дискурса может помочь нам лучше понять

современный язык, его использование и его развитие в будущем.

Можно выделить несколько отличий между двумя подходами. Анализ дискурса, как правило, более ориентирован на текст, то есть на продукт речевой деятельности. Он изучает, как слова и фразы складываются в связные и осмысленные высказывания и как эти высказывания используются в различных контекстах. Прагматика же больше ориентирована на пользователя, то есть на процесс речевой деятельности. Она изучает, как люди используют язык для достижения своих коммуникативных целей и как они понимают намерения говорящего. Еще одно отличие состоит в том, что анализ дискурса часто отождествляют с разговорным анализом, который изучает разговорную речь и ее особенности. Прагматику же чаще связывают с теорией речевых актов, которая изучает различные типы речевых актов (например, утверждения, вопросы и просьбы) и их использование в различных ситуациях. В целом анализ дискурса и прагматика – это две взаимодополняющие области лингвистики, которые изучают различные аспекты речевой деятельности. Анализ дискурса фокусируется на структуре и организации текста, в то время как прагматика фокусируется на его использовании в общении.

Дискурсивные маркеры, такие как «ну», «так» или «вы знаете», являются распространенными элементами речи, которые выполняют важные функции в организации дискурса. Они могут маркировать смену темы, участника или типа дискурса, а также указывать на значимость или передний/фонный план высказываний. Эти функции в большей степени относятся к сфере анализа дискурса, поскольку связаны со структурой и организацией текста. Однако дискурсивные маркеры также выполняют экспрессивные функции, которые включают в себя выражение оценки или акцента, сосредоточение внимания на говорящем, а также привлечение внимания слушающего, выражение общих знаний или обозначение «негативной» или «позитивной» вежливости. Эти функции относятся к сфере прагматики, поскольку изучают, как участники коммуникации используют язык для достижения своих целей и выражения своего отношения к другим. Помимо этих основных функций, дискурсивные маркеры могут выполнять следующие дополнительные функции:

управление потоком речи: дискурсивные маркеры могут использоваться для заполнения пауз, сигнализации о начале или завершении высказывания, а также для переключения между разными темами или участниками дискурса;

выражение эмоций: дискурсивные маркеры могут использоваться для выражения различных эмоций, таких как удивление, радость, разочарование, гнев или печаль;

создание солидарности: дискурсивные маркеры могут использоваться для создания солидарности между говорящим и слушающим, а также для поддержания отношений между ними;

указание на источник информации: дискурсивные маркеры могут использоваться для указания на источник информации, например на личный опыт, слухи или научные исследования.

Таким образом, дискурсивные маркеры являются важными элементами речи, которые выполняют целый ряд функций в организации дискурса, выражении экспрессивных значений и достижении коммуникативных целей [5, с. 36–40]. Следовательно, необходимо понимать эту область в широком смысле как «лингвистический анализ естественно возникающих явлений, связанный с устным или письменным дискурсом» [6, с. 1].

Анализ исторического дискурса как междисциплинарной области может проводиться с различных точек зрения. Один из подходов включает применение дискурсивного анализа к истории языка, изучая формы, функции или структуры дискурса в более ранние периоды

его существования [7, с. 13]. Этот подход, известный как исторический дискурс-анализ, фокусируется на структуре дискурса в различные исторические периоды.

Второй подход предполагает применение дискурсивного анализа к исторической лингвистике. Здесь изучаются «дискурсивно-прагматические факторы» языковых изменений или дискурсивные мотивы, лежащие в основе изменений в фонологии, морфологии, синтаксисе или семантике. Этот подход, известный как дискурсивная историческая лингвистика, и фокусируется на роли дискурса в языковых изменениях. Оба эти подхода имеют свои преимущества и недостатки.

Исторический дискурс-анализ может лучше объяснить функции различных особенностей старых текстов, но он является по своей сути синхронным, поскольку анализирует язык на определенном этапе его развития. Дискурсивная лингвистика может объяснить причины языковых изменений, но она может быть менее эффективной в объяснении функций различных особенностей языка. Помимо этих двух основных подходов, существует множество других способов изучения исторического дискурса. Исследователи могут сосредоточиться на конкретных типах дискурса, таких как политический дискурс,

юридический дискурс или судебный дискурс.

Третий подход является более междисциплинарным и предполагает синтез дискурса и диахронии. Он нацелен на изучение изменений в маркировке, функциях и структурах дискурса с течением времени. То есть структура дискурса трактуется наравне с фонологической, морфологической, синтаксической и семантической структурой как нечто, что меняется и развивается со временем, так что можно с полным основанием говорить об изменении дискурса, а также, например, о фонологическом изменении. Этот подход можно назвать диахроническим (солистически ориентированным) анализом дискурса [8, с. 261–269].

Исторические этапы развития языка часто содержат особенности, которые могут показаться непонятными или даже бессмысленными современным носителям этого языка. К таким особенностям относятся:

мнимые бессмысленные слова и частицы, такие как английские *do, there, of, and*, которые в современном английском языке часто не несут никакой семантической нагрузки;

пустые или повторяющиеся фразы, такие как «итак», «вот», «также», которые используются для заполнения пауз или для под-

черкивания важности высказывания;

«примитивное» стилистическое оформление, такое как использование восклицательных знаков, риторических вопросов и других выразительных средств, которые в современном языке считаются устаревшими.

Традиционно многие из этих особенностей рассматривались как грамматические плеоназмы, метрические приемы, усилители или эмфатики, разговорные выражения или дефекты стиля. Однако в последние годы оказалось плодотворным переосмысление этих особенностей с использованием инструментов современного дискурс-анализа. Диалогический анализ языка – это направление лингвистических исследований, которое изучает особенности устной речи. В рамках этого направления внимание уделяется таким аспектам, как структура дискурса (порядок слов, использование грамматических форм и других языковых средств для организации речевого потока), функциональная роль дискурса (то, как язык используется для передачи информации, выражения эмоций и выполнения других социальных функций), прагматика дискурса (то, как язык используется для взаимодействия между людьми). Диалогический анализ языка позволяет выявить

закономерности, характерные для устной речи, но не встречающиеся в письменной речи. Эти закономерности могут пролить свет на особенности исторического дискурса, который, как правило, имеет устную природу.

Таким образом, перспективы анализа исторического дискурса как диалогического анализа языка открывают новые возможности для изучения исторического дискурса. Благодаря этому подходу исследователи могут получить более глубокое понимание особенностей устной речи, которые сохраняются в письменных текстах. В частности, диалогический анализ может помочь в решении следующих задач: разъяснение смысла непонятных или кажущихся бессмысленными слов и выражений; определение функционального назначения различных элементов дискурса; описание закономерностей, которые характерны для устной речи. Не поддающиеся категоризации или странные виды текста могут быть результатом взаимодействия различных устных жанров. Исследования в области диалогического анализа исторического дискурса ведутся в настоящее время в различных странах мира. В России в этом направлении работают такие исследователи, как Е. А. Богачева, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, К. Ф. Седов, А. В. Чернявская и другие [9–13].

Обобщая сказанное, подчеркнем, что анализ исторического дискурса – это интересная и важная область исследований, которая имеет большое значение для понимания истории языка, развития различных жанров и стилей речи, а также для изучения социальных и культурных изменений. Результаты исследований в этой области используются в различных дисциплинах и могут помочь нам лучше понять современный язык, его использование и развитие.

Еще одной определяющей характеристикой дискурс-анализа является то, что его можно применять в самых разных условиях и контекстах. Везде, где есть непрерывный текст, письменный или устный, существует потенциальный анализ такого текста. Следовательно, область права предоставляет уникальную возможность для анализа судебного дискурса, так как судебные дела сохраняются в письменной форме как основа для последующих судебных решений и их рассмотрения.

Уместно обратить внимание на факт хранения в юридических библиотеках огромных коллекций письменных текстов: ходатайств; встречных исков и мнений судей; устных слов, записанных в письменной форме, таких как показания в суде; допросов и аргументов, что является перспективной для

изучения анализа судебного дискурса.

Судебная лингвистика – это сравнительно молодая область исследований, которая возникла на стыке лингвистики и права. Данная область занимается изучением языка в юридическом контексте [14, 15], включая язык зала суда, судебных документов, свидетельских показаний [16, 17], билингвизм судебного дискурса [18, 19] и т.д.

Одним из основных направлений судебной лингвистики является анализ дискурса, то есть последовательного и связного использования языка в конкретной ситуации. Дискурс-анализ применяется для исследования различных видов юридических текстов, таких как законы, судебные решения, допросы свидетелей и т.д. Данный метод позволяет выявить скрытые смыслы и намерения, которые могут быть выражены в тексте неявно или косвенно. Например, дискурс-аналитики могут выявить тенденциозность или предвзятость в тексте, определить, насколько объективны и достоверны свидетельские показания, и т.д. Другим важным направлением судебной лингвистики является изучение языка свидетелей и подсудимых. Лингви-

сты анализируют речь свидетелей, чтобы определить, насколько она правдива и достоверна. Они также изучают речь подсудимых, чтобы понять их мотивы и намерения. Судебная лингвистика играет важную роль в обеспечении справедливости и соблюдения законности. Она помогает юристам и судьям лучше понимать и интерпретировать юридические тексты, а также выявлять и устранять неоднозначности и противоречия в них. Кроме того, судебная лингвистика помогает в расследовании преступлений и судебных разбирательствах, обеспечивая более объективный и точный анализ языка свидетелей и подсудимых.

В последнее время судебная лингвистика все чаще применяется в международном контексте. Это связано с ростом числа международных преступлений и судебных разбирательств, а также с необходимостью обеспечения эффективного взаимодействия между юристами и судьями из разных стран.

В заключение можно отметить, что судебная лингвистика является междисциплинарной областью, которая объединяет в себе методы и знания из лингвистики, права, психологии, социологии и других наук.

Библиографический список

1. Флейшман С. Филология, лингвистика и дискурс средневекового текста // Зеркало. 1990. Вып. 65. № 1. США, С. 19–37.
2. Селл Родж. Д. Постдисциплинарная филология. Нью-Йорк: Рутледж, 2014. 292 с.
3. Фрис У. Дискурсивный дейксис в современном английском языке. Нью-Йорк: Мутн де Грюйтер, 2008. С. 111–128.
4. Штейн Д. Перспективы исторической прагматики. 2009. Вып. 6, С. 347–355.
5. Бринтон Лорел Дж. Прагматические маркеры в английском языке: грамматизация и дискурсивные функции // Английская лингвистика. Нью-Йорк: Мутн де Грюйтер, 2008. 412 с.
6. Стаббс М. Анализ дискурса: социолингвистический анализ языка. Чикаго: Изд-во Чикагского университета, 1994. 226 с.
7. Джейкобс А., Джакер А. Х. Историческая перспектива в прагматике. Изд-во Дж. Бенджаминса. Филадельфия, 1995. С. 3–33.
8. Конявская С. В. Дискурс и жанр в диахроническом исследовании // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. М., 2005. С. 261–269.
9. Богачева Е. А. Лингвофилософский аспект анализа юридического дискурса // Основные проблемы современного языкознания: сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. / сост. Б. Н. Батырбекова. Астрахань, 2021. С. 17–25.
10. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
11. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной лингвистике: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
12. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
13. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта; Наука, 2015. 208 с.
14. Леви Дж., Уокер Э. Язык в судебном процессе. Нью-Йорк: Пленум пресс. США, 1990. 373 с.
15. Рибер Р., Стюарт У. Языковед как эксперт в правовой сфере. Нью-Йорк: Изд-во Нью-Йоркской академия наук. 1990. Вып. 606. № 6. С. 85–105.
16. Солан М. Лоуренс. Язык судей. Чикаго: Изд-во Чикагского университета, 1993. 218 с.

17. *Стиггал Г.* Язык зала суда. Изд-во Дж. Бенджаминса. Филадельфия, 1994. 272 с.

18. *Берк-Селигсон С.* Билингвизм в зале суда: судебные переводчики в судебном процессе: новая глава. Чикаго: Изд-во Чикагского университета, 2002. 316 с.

19. *Богачева Е.А., Короткова М.Д.* Социально-психологический аспект проблемы билингвизма // Человек и право – XXI век. 2023. Вып. 2. С. 108–114.

Е. В. Волгина,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ-ЮРИСТАМ

Междисциплинарный подход в обучении предполагает привлечение методов теории и практики различных научных дисциплин. Всестороннее изучение предмета обеспечивает целостное представление и систематизированное знание о нем. Согласно Е. Е. Суховой, междисциплинарный подход может проявляться «в корреляции изучения иностранного языка с профильными дисциплинами, установлении структурно-логических связей между иностранным языком и этими дисциплинами» [1, с. 353].

Гендерология – междисциплинарное исследование, нашедшее отражение во всех сферах общественной жизни. Понимание гендерной проблематики требует формирования системы социальных механизмов устранения неравенства мужчин и женщин – от теоретического осмысления до постановки практических задач в этой области. В связи с тем, что изучение понятия «гендер» в настоящее время представляет собой комплексный цикл исследований, внедрение гендерных знаний в систему высшего образования может осуществляться в рамках междисциплинарного подхода.

Актуальной проблемой, требующей рассмотрения в русле гендерной науки, является изучение терминологического описания биологического и социального пола. Необходимо комплексное моделирование гендерных особенностей английского правового и языкового сознания, отраженных в соответствующей терминологии. В частности, привлечение гендерных знаний к изучению юридической терминологии особенно важно, поскольку право – это не абстрактное явление, а продукт и результат социальной деятельности человека. Кроме того, терминологическая лексика права в английском языке вызывает особый интерес в условиях глобали-

зации и интеграции научных знаний [2, с. 183].

Исследование английской юридической терминологии и юридического дискурса с использованием гендерных методов показало, что юридический дискурс конструирует гендерные стереотипы, т.е. оценочные представления о категориях «мужское» и «женское» [3, с. 9]. Важно отметить, что гендерные смыслы не обязательно выражены в дискурсе напрямую с помощью гендерно маркированной лексики. Дискурс может создавать условия для конструирования гендерных смыслов через контекст. Тогда даже нейтральные термины получают гендерную интерпретацию. Таким образом, дискурс способствует поддержанию и конструированию гендерной реальности.

Существует ряд причин, по которым возможно тесное пересечение правовой и гендерной реальности: связь права со всеми отраслями деятельности человека; использование юридической терминологии не только в узкопрофессиональной среде, но и в обыденной речи; гендерные характеристики явлений трактуются законом в зависимости от того, какие представления о мужественности и женственности доминируют в данном обществе.

Результатом взаимодействия гендерной и правовой систем становятся языковые трансформации

на уровне терминологии и терминологических значений. В частности, появляются гендерно маркированные семы, которые включаются как компоненты значения ряда юридических терминологических единиц. Модификации гендерных представлений влияют на формальные и смысловые изменения в правовой терминосистеме. Более того, многие гендерные концепции стали правовыми концепциями, т.е. приобрели статус законодательных нормативов. В связи с этим родовой термин «гендер» присутствует в смысловой структуре юридических многокомпонентных сочетаний и участвует в образовании целого терминологического гнезда: гендерное равенство, гендерное неравенство, гендерная предвзятость, гендерная дискриминация. Например, гендерная предвзятость может стать законной причиной для подачи иска.

Внедрение гендерных знаний в систему высшего образования может во многом способствовать формированию гендерной культуры студентов, поскольку образование занимается передачей идей и ценностей, воспроизводством определенных типов социальных отношений среди студентов. В рамках гендерного образования студенты получают информацию о формировании и функционировании терминологии права английского языка с учетом фактических данных ген-

дерных исследований. Комплексный анализ терминологических единиц и юридического дискурса позволяет выявить гендерный компонент в семантике юридических терминов. Особое место в преподавании юридического английского языка с использованием гендерного подхода занимает изучение гендерно-правовых концепций [4, с. 62].

Гендерная политика правового развития проявляется в том, что право не должно игнорировать объективно существующие биологические различия и в то же время призвано устранить дискриминацию, основанную на социальных стереотипах, ущемляющих права мужчин и женщин в обществе.

Приоритетным вектором обучения студентов-юристов является формирование общекультурных, общепрофессиональных и про-

фессиональных компетенций [5, с. 33]. Гендерный подход к изучению специализированного пласта английской лексики, а именно английской юридической терминологии и правового дискурса, позволяет расширить понимание природы термина вообще и юридического термина в частности. Знакомство студентов-юристов с гендерной составляющей права способствует формированию их гендерной компетенции, позволяет им осознать гендерную природу права.

Таким образом, применение междисциплинарного подхода при обучении студентов-юристов иностранному языку может выражаться в разработке спецкурсов, в рамках которых практические проблемы решаются с привлечением знаний, полученных при изучении разных научных дисциплин.

Библиографический список

1. *Сухова Е.Е.* Роль междисциплинарного подхода в повышении профессиональной компетентности бакалавров по направлению 40.03.01 Юриспруденция в процессе изучения профессионально-ориентированного иностранного языка // Актуальные вопросы изучения иностранного языка в вузе: матер. Всерос. науч.-метод. конф. (Рязань, 25 февраля 2021 г.). Рязань: Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище, 2021. С. 351–355.
2. *Емельянова Т.В.* Междисциплинарный подход к обучению английскому языку магистров-юристов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 182–185.
3. *Волгина Е.В.* Гендерные факторы формирования англо-американской правовой терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 21 с.

4. *Кузнецова Ю.А.* Концепт «LAW» в научно-юридической и бытовой картинах мира английского языка // *Язык и мир изучаемого языка: сб. науч. ст.* Саратов: Изд-во Саратов. соц.-эконом. ин-та – филиала Рос. эконом. ун-та (РЭУ) им. Г.В. Плеханова, 2017. С. 61–66.

5. *Калач Е.А.* Условия реализации междисциплинарного подхода в преподавании профессионального иностранного языка студентам направлений подготовки «гостиничное дело» и «туризм» // *Профессиональное лингвообразование: матер. четырнадц. междунар. науч.-практ. конф.* (Нижний Новгород, 18 сентября 2020 г.). Н. Новгород: Изд-во НИУ РАН-ХиГС, 2020. С. 33–35.

Б.А. Медведев,

аспирант кафедры административного и муниципального права
Саратовской государственной юридической академии

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ НАЧАЛО ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В новых конституционных реалиях принцип единства системы органов исполнительной власти получил существенное усиление. Обновленный вариант Конституции РФ дважды упоминает о единой системе публичной власти. В одном случае говорится об обуславливающем такую системность полномочии Президента РФ по обеспечению взаимодействия и согласованного функционирования входящих в нее органов (ч. 2 ст. 80), в другом – о единстве органов государственной и муниципальной власти в контексте повышения эффективности выполнения стоящих перед ними задач (ч. 3 ст. 132) [1].

Указанной конституционной новеллой была вызвана волна научных обсуждений вопроса о единой системе публичной власти, имеющих целью определить место того или иного института в рассматриваемой системе [2], раскрыть проблематику отчетности органов и должностных лиц местного самоуправления при выстраивании публичной власти [3], обосновать относимость субъектов публичного управления территориями с особым режимом хозяйствования к единой системе публичной власти [4, с. 142–143]. Вместе с тем особую актуальность приобретает тематика влияния конституционной нормы о единстве указанной

системы на организацию и функционирование исполнительной власти в России, поскольку она обеспечивает практическую реализацию экономической, социально-культурной политики и политики обеспечения национальной безопасности в общегосударственном и региональном масштабах.

Вопрос о единстве системы публичной власти привлекает научный интерес для решения проблем организации единой системы исполнительной власти, так как общая теория систем показывает иерархичность их внутренней организации. Системность обеспечивается взаимосвязью различных элементов, каждый из которых может представлять собой подсистему более низкого порядка, свойства которой определяются связями между образующими ее компонентами [5, с. 13]. Таким образом, система исполнительной власти является частью системы государственной власти, которая, в свою очередь, входит в единую систему публичной власти и наряду с другой ее частью – органами местного самоуправления – обеспечивает ее целостность.

Поскольку исполнительная власть с точки зрения ее организации представлена соответствующими органами, уместно отождествление понятий «система исполнительной власти» и «система органов исполнительной власти».

На это ориентирует и Конституция РФ, выражающая систему исполнительной власти не через какие-либо абстрактные связи между ее компонентами, а через соответствующие федеральные и региональные органы (ч. 2 ст. 77).

Конституционно определенное свойство системности исполнительной власти ориентирует и на системность оценки функционирования органов федерального и регионального государственного управления. Л. Л. Попов небезосновательно утверждает о наступлении ренессанса государственного управления в силу усиления управляемости происходящих в обществе процессов и повышения результативности деятельности органов исполнительной власти [6, с. 22–25]. Однако к настоящему времени законодатель не привел оценку эффективности их функционирования в состояние, отвечающее принципу единства системы органов исполнительной власти. Данный принцип предполагает необходимость осуществления комплексного оценивания эффективности их деятельности, в то время как на уровне федерального законодательного регулирования в систематизированном виде установлены правила такой оценки лишь в отношении региональных органов исполнительной власти [7]. Возможность проверки соответствия установленным целевым показателям ре-

зультатов выполнения полномочий лишь одного (регионального) элемента данной системы определяет ее несбалансированность и, кроме того, наличие тенденции к переложению ответственности за достижение общих показателей (таких, как, например, уровни образования и бедности, доверие к власти в целом [8]) на региональный уровень государственного управления.

С точки зрения теории систем важно учитывать соотношение позитивных и негативных результатов ее функционирования, которые складываются из целевой, функциональной и экономической эффективности [9, с. 60]. Представляется, что целевое предназначение у органов государственного управления единое – практическая организация исполнения законов, и целевая эффективность должна показывать степень достижения цели функционирования всей системы исполнительной власти. Функциональная эффективность определяется степенью реализации возложенных на орган исполнительной власти функций, а экономическая – выражает полезную отдачу от выделенных на осуществление управления ресурсов. Если оценивать достижение этих видов эффективности однобоко, только в региональном аспекте, то теряется одно из проявлений системности исполнительной власти. В связи с изложенным даль-

нейшее развитие нормативно-правового регулирования в данной сфере должно быть связано с разработкой общих правил оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти, что обеспечит соответствие данной оценки принципу единства системы органов исполнительной власти. В настоящее время препятствием этому является отсутствие федеральных законодательных правил, регламентирующих общие принципы организации государственного управления в России, а также системы федеральных органов исполнительной власти. Несмотря на то, что конституционные нормы содержат положения об определении в рамках совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления (п. «н» ст. 72 Конституции РФ), иные требования Основного Закона ориентируют на принятие федеральных законов только в отношении общих принципов организации региональных и муниципальных органов власти. Разработка единого закона об основополагающих началах организации государственного управления в России могла бы способствовать решению многих вопросов, касающихся его системности, в том числе в части оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Колесников А. В. Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти: организационные аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. 400 с.
3. Аржанов В. В., Пашенько С. Б. Отчетность органов и должностных лиц местного самоуправления как один из элементов выстраивания единой системы публичной власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3 (140). С. 72–80.
4. Лакаев О. А. Правовое регулирование системы субъектов публичного управления, обеспечивающих административно-правовой режим особых экономических зон // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 2. С. 134–146.
5. Кориков А. М., Павлов С. Н. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2023. 288 с.
6. Попов Л. Л. Ренессанс государственного управления в России. Избранное. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 368 с.
7. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973; 2023. № 32, ч. 2, ст. 6217.
8. Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» (в ред. от 9 сентября 2022 г.) // СЗ РФ. 2021. № 6, ст. 966; 2022. № 37, ст. 6317.
9. Вдовин В. М., Суркова Л. Е., Валентинов В. А. Теория систем и системный анализ: учебник для бакалавров. 5-е изд., стер. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2020. 642 с.

А. Л.-Г. Муева,
магистрант Института магистратуры и заочного обучения
Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

Таможенные платежи как регулятор роли государства во внешнеэкономической деятельности имеют важное значение.

В п. 1 ст. 46 Таможенного кодекса ЕАЭС [1] (далее – ТК ЕАЭС) перечисляются виды таможенных платежей. К ним отнесены: ввозная и вывозная таможенные пошлины; налог на добавленную стоимость и акцизы при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС; таможенные сборы, взимаемые за юридически значимые действия таможенных органов. В ТК ЕАЭС также содержится понятие «совокупный таможенный платеж» применительно к ввозимым товарам для личного пользования.

Правовое регулирование таможенных платежей осуществляется в соответствии с правом ЕАЭС и национальным таможенным законодательством.

ТК ЕАЭС устанавливает виды таможенных платежей, порядок их исчисления, уплаты, взимания и возврата, а национальным законодательством регулируются отдельные таможенные отношения по таможенному обложению в странах – участницах ЕАЭС. Так, в Российской Федерации действует Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], который устанавливает виды таможенных сборов и порядок их исчисления и уплаты.

Кроме того, таможенные отношения регулируются законодательством РФ о налогах и сборах, поскольку налог на добавленную стоимость и акцизы входят в состав не только федеральных налогов, но и таможенных платежей. Применение НДС и акцизов

при импортных операциях регулируется главами 21 и 22 Налогового кодекса РФ [3].

Косвенные налоги при экспорте товаров, оказании услуг и выполнении работ взимаются согласно Протоколу «О порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг», являющемуся Приложением № 18 к Договору о Евразийском экономическом союзе.

Таможенные пошлины как таможенные платежи выступают неналоговыми доходами федерального бюджета (ст. 51 Бюджетного кодекса РФ [4]) и представляют собой обязательный платеж в федеральный бюджет, взимаемый таможенными органами ввиду перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС.

Ставки таможенных пошлин могут быть ввозными либо вывозными.

Ввозные таможенные пошлины унифицированы (в отличие от остальных видов таможенных платежей) и исчисляются по правилам Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза (ЕТТ ЕАЭС) [5]. Это свод ставок ввозных таможенных пошлин, применяемых к товарам, ввозимым на единую таможенную территорию ЕАЭС из третьих стран, систематизированных в соответствии

с Единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности ЕАЭС.

В России основным документом, регламентирующим порядок исчисления и уплаты вывозных таможенных пошлин, является Закон РФ «О таможенном тарифе» [6], в соответствии с которым утверждаются ставки вывозных таможенных пошлин; определяются перечни товаров с применением этих пошлин; предоставляются тарифные преференции и квоты.

Следующим видом таможенных платежей выступают таможенные сборы. Это обязательные платежи за таможенные операции, таможенное сопровождение, хранение товаров, которые устанавливаются ст. 37 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Применительно к товарам для личного пользования применяется понятие «совокупный таможенный платеж». При этом такие товары могут ввозиться на таможенную территорию ЕАЭС без уплаты налогов таможенных пошлин, в тех стоимостных, весовых и (или) количественных пределах, что определены Евразийской экономической комиссией. Льготы по таможенному обложению могут предоставляться и отдельным категориям физиче-

ских лиц, в том числе проживающих длительное время на территории иностранных государств. Так, районный суд г. Москвы рассмотрел административное дело по иску А. к Московской областной таможне, Федеральной таможенной службе о взыскании денежных средств.

А. работал по приглашению несколько лет в иностранной организации. По возвращении на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, осуществляя ввоз личного имущества, бывшего в употреблении, он обратился в Московскую областную таможню за разъяснением об уплате таможенных платежей в отношении своих личных вещей. Таможенный орган подтвердил освобождение от уплаты таможенных платежей. Однако при непосредственном ввозе личных вещей А. было отказано в беспошлинном ввозе по причине недоказанности факта временного проживания на территории иностранного государства. В результате этого истец был вынужден уплатить пошлину. Однако судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ были взысканы излишне уплаченные таможенные платежи [7].

Как правило, таможенные платежи исчисляются на основании таможенной стоимости товаров, которая составляет базу для таможенного обложения. От правильно определенной таможенной стоимо-

сти зависит величина таможенных платежей.

В Российской Федерации таможенная стоимость вывозимых товаров определяется в соответствии с Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Правил определения таможенной стоимости товаров, вывозимых из Российской Федерации» [8]. Такая стоимость определяется затратами хозяйствующего субъекта, условиями поставки, иными платежами, в целом формируется по цене сделки. Таможенная стоимость ввозимых товаров устанавливается согласно методике, урегулированной главой 5 ТК ЕАЭС.

В рамках таможенного обложения на практике разногласия возникают из-за определения таможенной стоимости товаров и неверного указания классификационного кода товара, также влияющего на ставку таможенной пошлины.

Итак, таможенные платежи наделены определенными признаками:

- 1) они представляют собой фискальные доходы государства;
- 2) их виды установлены ТК ЕАЭС и национальным законодательством государств – членов ЕАЭС;
- 3) они связаны с ввозом или вывозом товаров;
- 4) их правовые основы содержатся в нормах таможенного и налогового законодательства;

5) их взимание осуществляется таможенными органами;

6) их уплата носит обязательный характер, в связи с чем государство обеспечивает их взыскание принудительными мерами.

Юридическая конструкция таможенных платежей включает опре-

деление плательщиков, а также элементов обложения: объекта, базы обложения, ставок таможенных платежей, льгот и других составляющих.

Эффективность института таможенных платежей – важное условие экономического развития государства.

Библиографический список

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) (в ред. от 23 марта 2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

2. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 19 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2018. № 32, ч. 1, ст. 5082.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 23 марта 2024 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340; 2024. № 13, ст. 1681.

4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 26 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3823; 2024. № 10, ст. 1311.

5. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. (с изм. от 25 мая 2023 г.) // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: <https://docs.eaeunion.org/>

6. Закон РФ от 21 мая 1993 г. № 5003-I «О таможенном тарифе» (с изм. от 25 декабря 2023 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 23, ст. 821; СЗ РФ. 2024. № 1, ч. 1, ст. 11.

7. Зеленоградский районный суд г. Москвы, административное дело № 2а-0201/2021 от 25 марта 2021 г. URL: <https://mos-orsud.ru/rs/zelenogradskij/cases/docs/content/ba33c9e0-a27d-11eb-9600-d58258b41cf4> (дата обращения: 02.12. 2023).

8. Постановление Правительства РФ от 16 декабря 2019 г. № 1694 «Об утверждении Правил определения таможенной стоимости товаров, вывозимых из Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 52, ч. 1, ст. 7948.

АННОТАЦИИ / ABSTRACTS

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ДЕЯНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Азимов Эльдар Мехтиярович

*старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Петрозаводского государственного университета*

Ермишина Наталья Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Петрозаводского государственного университета*

Равпук Михаил Андреевич

*магистрант 2-го курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция
(магистерская программа «Уголовное право, уголовный процесс,
криминалистика»)*

Аннотация. С развитием средств массовой коммуникации бесконтрольное распространение информации приводит к увеличению деяний экстремистской направленности. В статье поднимается вопрос о деяниях экстремистской направленности в сети Интернет, описываются причины использования экстремистами интернета в качестве площадки для вербовки молодежи. Анализируется статистика совершенных преступлений и правонарушений экстремистской направленности в Республике Карелия.

Ключевые слова: экстремизм, идеология экстремизма, мотив ненависти, экстремистские материалы, интернет, молодежный экстремизм.

ACTS OF AN EXTREMIST ORIENTATION ON THE INTERNET

Azimov Eldar Mehtiyarovich

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Process of Petrozavodsk State University

Ermishina Natalya Sergeevna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Petrozavodsk State University

Ravpuk Mikhail Andreevich

*2nd year master's student, training area 40.04.01 Jurisprudence
(master's program "Criminal Law, Criminal Procedure, Criminalistics")
of Petrozavodsk State University*

Abstract. With the development of mass media, the uncontrolled dissemination of information leads to an increase in extremist acts. The article raises the issue of ex-

tremist acts on the Internet, describes the reasons for the use of the Internet by extremists as a platform for recruiting young people. The statistics of committed crimes and extremist offenses in the Republic of Karelia is analyzed.

Keywords: extremism, ideology of extremism, hate motive, extremist materials, Internet, youth extremism.

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Марцинкевич Виталий Валерьевич

Первый заместитель прокурора г. Саратова, советник юстиции

Краснова Юлия Вадимовна

*обучающаяся 5-го курса Института прокуратуры Саратовской
государственной юридической академии*

Аннотация. Проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий является одной из самых серьезных в современном обществе. Исходя из этого, в обязанности правоохранительных органов входит принятие мер по борьбе с детской безнадзорностью и устранению причин, способствующих совершению преступлений, предусмотренных статьями 150 и 151 УК РФ.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, предупреждение безнадзорности и беспризорности, преступная деятельность, профилактические мероприятия, субъекты профилактики.

**PREVENTION BY THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE INVOLVEMENT
OF MINORS IN THE COMMISSION OF CRIMES AND ANTI-SOCIAL ACTIONS**

Martsinkevich Vitaly Valerievich

First Deputy Prosecutor of Saratov region, Justice Advisor

Krasnova Yulia Vadimovna

*a 5th year student at the Institute of Public Prosecutor's Office of Saratov State
Law Academy*

Abstract. The problem of involving minors in committing crimes and antisocial acts is one of the most serious in modern society. Based on this, the duties of law enforcement agencies include taking measures to combat child neglect and eliminate the causes contributing to the commission of crimes provided for in Articles 150 and 151 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: involvement of minors in the commission of crimes and antisocial actions, prevention of neglect and homelessness, criminal activity, preventive measures, subjects of prevention.

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Пономаренко Елена Валерьевна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной
юридической академии*

Серёгина Ирина Васильевна

*обучающаяся Института магистратуры и заочного обучения
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье авторы рассматривают комплекс административно-правовых средств, направленный на предупреждение и пресечение коррупции в системе государственной гражданской службы Российской Федерации. Выявлены определенные недостатки соответствующих средств и предложены основные направления их совершенствования.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, административные запреты, административное стимулирование, предупреждение коррупции.

**ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS OF PREVENTING CORRUPTION
IN THE SYSTEM OF THE STATE CIVIL SERVICE OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

Ponomarenko Elena Valeryevna

*Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Criminal and Penal Enforcement Law of Saratov State Law Academy*

Seregina Irina Vasilyevna

*Student at the Institute of Master's and Distance Learning of Saratov State Law
Academy*

Abstract. In the article, the authors consider a complex of administrative and legal means aimed at preventing and suppressing corruption in the system of the state civil service of the Russian Federation. Certain shortcomings of the corresponding means are identified and the main directions for their improvement are proposed.

Keywords: civil service, civil servant, administrative prohibitions, administrative incentives, prevention of corruption.

81

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА ПРЕСТУПНИКА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Севостьянов Роман Александрович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора
и криминологии Саратовской государственной юридической академии*

Шатилов Алексей Валерьевич

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры тактико-специальной
подготовки Краснодарского университета МВД России*

Аннотация. В настоящей статье ставится вопрос о необходимости криминологического изучения интеллекта преступника, а также его влияния на потребности человека, направленность его мышления и поведения, а равно на совершаемые им поступки, в том числе общественно опасного характера. Отмечаются существенные различия преступной активности лиц с различным уровнем интеллектуального развития, особенности сфер реализации их преступных намерений. В статье обозначены существующие в криминологии проблемные вопросы, связанные с необходимостью изучения интеллекта преступника, пути его изучения, а также ожидаемые при этом результаты и варианты их использования в целях предупреждения преступного поведения.

Ключевые слова: биологическое и социальное в личности преступника, детерминанты преступности, индивидуальная профилактика преступлений, ин-

теллект, интеллектуальный уровень развития преступника, криминологическое исследование интеллекта преступника, преступное поведение.

CRIMINOLOGICAL INVESTIGATION OF CRIMINAL INTELLIGENCE

Sevostyanov Roman Alexandrovich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of Saratov State Law Academy

Shatilov Alexey Valirievich

Candidate of Law, Lecturer at the Department of Tactical and Special Training of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Abstract. This article raises the question of the need for a criminological study of the criminal's intelligence, as well as its impact on human needs, the direction of his thinking and behavior, as well as on his actions, including those of a socially dangerous nature. There are significant differences in the criminal activity of persons with different levels of intellectual development, the peculiarities of the spheres of realization of their criminal intentions. The article outlines the problematic issues existing in criminology related to the need to study the intelligence of a criminal, ways to study it, as well as the expected results and options for their use in order to prevent criminal behavior.

Keywords: biological and social in the criminal's personality, determinants of crime, individual crime prevention, intelligence, intellectual level of development of the criminal, criminological study of the criminal's intelligence, criminal behavior.

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Ширяева Кристина Анатольевна

кандидат юридических наук, преподаватель Межрегионального юридического института Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена добросовестности участников и ее отношению к категории презумпций гражданского процесса. Обосновывается, что добросовестность предполагается, пока не будет установлено иное. Несмотря на отсутствие прямого указания презумпции добросовестности в Гражданском процессуальном кодексе РФ, об этом свидетельствует достаточное количество негативных процессуальных последствий недобросовестности.

Ключевые слова: добросовестность, презумпция в гражданском процессе, презумпция добросовестности, добросовестность в гражданском процессе, последствия недобросовестного поведения.

PRESUMPTION OF FAIRNESS IN CIVIL PROCEDURES

Shiryayeva Kristina Anatolievna

Candidate of Law, Lecturer at the Interregional Law Institute of Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the integrity of the participants and its classification as a presumption in civil proceedings. It is justified that good faith is assumed until otherwise established. Despite the absence of a direct indication of the presumption of good faith in the Civil Procedure Code of the Russian Federation, this is evidenced by a sufficient number of negative procedural consequences of bad faith.

Keywords: good faith, presumption in civil proceedings, presumption of good faith, good faith in civil proceedings, consequences of dishonest behavior.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В XXI ВЕКЕ

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДОКТОРАНТУРЫ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Рукавишников Сергей Михайлович

*кандидат юридических наук, докторант кафедры административного
и муниципального права Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса нормативного регулирования докторантуры. Данный институт объединяет в себе высочайшую значимость для государственной системы научной аттестации с противоречивостью и пробельностью нормативно-правового регулирования. Для устранения обозначенных проблем и в целях повышения эффективности системы подготовки исследователей высшей квалификации необходима работа по совершенствованию нормативной основы данной системы, и первичной целью в этом направлении является понятийный аппарат, на уточнение которого и направлено настоящее исследование.

Ключевые слова: научно-образовательная политика, научная аттестация, докторантура, докторант, подготовка в докторантуре.

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF DOCTORAL STUDIES IN CURRENT LEGISLATION

Rukavishnikov Sergei Mikhailovich

*Candidate of Law, Doctoral student of the Department of Administrative
and Municipal Law of Saratov State Law Academy*

Abstract. The article is devoted to the issue of legal regulation of doctoral studies. This institute combines the highest importance for the state system of scientific certification with the inconsistency and gaps in legal regulation. To eliminate the identified problems and in order to increase the efficiency of the system for training highly qualified researchers, work is necessary to improve the normative basis of this system, and the primary goal in this direction is the conceptual apparatus, what is the purpose of this study.

Keywords: scientific and educational policy, scientific certification, doctoral studies, doctoral student, doctoral training.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЮРИСТА-ПЕРЕВОДЧИКА

Александрова Татьяна Анатольевна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. Необходимость в подготовке большого числа высококвалифицированных, профессионально компетентных переводчиков является неотъемлемой частью современного общества. В статье рассматриваются основные модели компетенции переводчика в сфере юриспруденции. Раскрывается содержание понятий «перевод», «переводческая компетенция». Делаются выводы о необходимости формирования особой профессиональной компетенции юриста-переводчика.

Ключевые слова: перевод, переводческая компетенция, межкультурная коммуникация, язык, юриспруденция.

A MEANINGFUL MODEL OF A TRANSLATOR'S PROFESSIONAL COMPETENCE IN THE FIELD OF JURISPRUDENCE

Alexandrova Tatyana Anatolevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Saratov State Law Academy

Abstract. The training of a large number of highly qualified, professionally competent translators is an integral part of modern society. The article discusses the main models of translator's competence in the field of jurisprudence. The content of the concepts of "translation" and "translation competence" is revealed. Conclusions are drawn about the need to form a special professional competence of a lawyer-translator.

Keywords: translation, translation competence, intercultural communication, language, law.

КОРПУСНЫЕ МЕТОДЫ В ЖАНРОВОМ И ПРАГМА-КОММУНИКАТИВНОМ ВИДАХ АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТИЯЗЫЧНОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ООН)

Балашова Елена Юрьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье описывается методология жанровой разметки специального корпуса текстов посредством статистического анализа ключевых терминологических сочетаний с помощью программы AntConc и прагма-коммуникативного анализа основных жанровых образцов.

Ключевые слова: электронный корпус текстов, жанровая разметка, прагма-коммуникативные функции, терминологические сочетания, корпус-менеджер AntConc.

CORPUS METHODS IN GENRE AND PRAGMA-COMMUNICATIVE KINDS OF LINGUISTIC ANALYSIS (ON THE MATERIAL OF MULTILINGUAL PARALLEL UN CORPUS)

Balashova Elena Yurievna

Doctor of Philology, Professor of English Language Department of Saratov State Legal Academy

Abstract. The article considers genre annotation of specialized text corpus by means of statistical analysis of key terminological collocations through corpus analysis toolkit AntConc and pragma-communicative analysis of the main genre samples.

Keywords: electronic text corpus, genre annotation, pragma-communicative functions, terminological collocations, corpus analysis toolkit AntConc.

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Беляев Александр Сергеевич

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ юридических терминов английского и русского языков, а также определяются социальные, культурные и исторические факторы, повлиявшие на их семантическое значение. Определяются виды данных терминов, согласно их структурным особенностям и выявляются основные сопоставительные отличия между английской, американской и русской юридической терминологией.

Ключевые слова: сравнительный анализ, терминология, юридический термин, правовая профессия, правовая система, межъязыковые понятия, семантическое свойство.

**ETHNOLINGUISTIC FEATURES OF SEMANTICS IN LEGAL TERMINOLOGY
IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Belyaev Alexander Sergeevich

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department
of Foreign Languages of Saratov State Law Academy*

Abstract. The article provides a comparative analysis of legal terms in English and Russian, and also identifies social, cultural and historical factors that influenced their semantic meaning. The types of these terms are determined according to their structural features and the main comparative differences between the legal terms of the English, American and Russian languages are identified.

Keywords: comparative analysis, terminology, legal term, legal profession, legal system, interlingual concepts, semantic property.

**ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АНАЛИЗА СУДЕБНОГО СУБДИСКУРСА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Богачева Екатерина Александровна

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье предпринята попытка описать область анализа теоретического дискурса, связанную с исследованием судебного дискурса. Потенциал дискурсивного анализа позволит эффективно разрешить сложности судебного субдискурса. Современные исследования в данной сфере базируются на множестве различных академических дисциплин, таких как когнитивная лингвистика, юрислингвистика, когнитивная психология, социоллингвистика, теория дискурса и др. Изучение судебного дискурса – область, которая стремительно развивается и набирает популярность.

Ключевые слова: исторический дискурс, дискурс-анализ, судебная лингвистика, судебный субдискурс.

**THEORETICAL ASPECT OF SPECIFIC FEATURES AND PROSPECTS
FOR ANALYSIS OF JUDICIAL SUBDISCOURSE**

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Foreign Languages
Department of Saratov State Law Academy*

Abstract. This article attempts to describe the field of historical discourse analysis associated with the study of judicial discourse. The potential of discourse analysis will effectively resolve the complexities of judicial subdiscourse. Contemporary research in this area is based on many different academic disciplines, such as cognitive linguistics, legal linguistics, cognitive psychology, sociolinguistics, discourse theory, etc. The study of judicial discourse is an area that is rapidly developed and gained popularity.

Keywords: historical discourse, discourse analysis, forensic linguistics, judicial subdiscourse.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ-ЮРИСТАМ

Волгина Елена Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматривается применение междисциплинарного подхода при обучении студентов юридических специальностей иностранному языку. Данный подход позволяет использовать информацию из области различных научных дисциплин для формирования целостного и систематического знания о предмете. Цель данной статьи – обусловить преподавание юридического английского языка и юридической терминологии с привлечением гендерной методологии. Право регулирует все социальные сферы, и, как следствие, структура и функционирование специализированных сфер языка испытывают влияние гендерной системы.

Ключевые слова: юридическая терминология, юридический дискурс, правовой концепт, гендерная культура, гендерная методология, общество.

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE TO LAW STUDENTS

Volgina Elena Valeryevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Saratov State Law Academy

Abstract. The article discusses the use of an interdisciplinary approach when teaching legal students a foreign language. This approach allows you to use data from various scientific disciplines to form a holistic and systematic knowledge about the subject. The purpose of this article is to determine the teaching of legal English and legal terminology using gender methodology. Law regulates all social spheres, and as a result, the structure and functioning of specialized areas of language are influenced by the gender system.

Keywords: legal terminology, legal discourse, legal concept, gender culture, gender methodology, society.

ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ НАЧАЛО ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Медведев Богдан Александрович

аспирант кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена анализу соответствия текущего состояния нормативно-правового регулирования оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти принципу единства их системы. Отмечается необходимость разработки общих правил оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти, что обеспечит соответствие данной оценки принципу единства системы органов исполнительной власти и осуществление комплексной проверки результативности их функционирования вне зависимости от уровня их организации – федерального или регионального.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, государственное управление, оценка эффективности, публичная власть, система исполнительной власти.

THE PRINCIPLE OF UNITY OF THE SYSTEM OF EXECUTIVE AUTHORITIES AS THE FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THEIR ACTIVITIES

Medvedev Bogdan Alexandrovich

Postgraduate student of the Department of Administrative and Municipal Law of Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the analysis of the compliance of the current state of regulatory regulation of the assessment of the effectiveness of the activities of executive authorities with the principle of unity of their system. It is noted that it is necessary to develop general rules for evaluating the effectiveness of the activities of executive authorities, which will ensure that this assessment complies with the principle of unity of the system of executive authorities and the implementation of a comprehensive audit of the effectiveness of their functioning, regardless of the level of their organization – federal or regional.

Keywords: executive authorities, public administration, efficiency assessment, public authority, executive power system.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

Муева Алтана Лиджи-Горяевна

магистрант Института магистратуры и заочного обучения Саратовской государственной юридической академии направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция (магистерская программа «Юрист в бюджетно-налоговой, таможенной и иных сферах финансовой деятельности»)

Аннотация. На всех этапах развития государства таможенные фискальные доходы выступают в качестве инструмента, пополняющего казну, а также в качестве регулятора торговых отношений. Основу таможенных доходов составляют таможенные платежи, центральным звеном последних являются таможенные пошлины. От эффективности юридической конструкции таможенных платежей зависит экономическое развитие государства. Спорна правовая природа таможенной пошлины, поскольку, будучи публичным платежом, имеет признаки налога и сбора.

Ключевые слова: таможенные фискальные доходы, фискальная деятельность, таможенные платежи, таможенные пошлины, таможенные отношения.

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF LEGAL DESIGNS OF CUSTOMS PAYMENTS

Mueva Altana Lidzhi-Goryaevna

Master's student at the Institute of Master's and Correspondence Studies of the Saratov State Law Academy direction of training 40.04.01 Jurisprudence master's program «Lawyer in fiscal, customs and other areas of financial activity»

Abstract. At all stages of state development, customs fiscal revenues act as a tool that replenishes the treasury, as well as a regulator of trade relations. The basis of customs revenues are customs payments, the central link of the latter being customs duties. The economic development of the state depends on the effectiveness of the legal structure of customs payments. The legal nature of the customs duty is controversial, since being a public payment it has signs of a tax and fee.

Keywords: customs fiscal revenues, fiscal activity, customs payments, customs duties, customs relations.